Сергѣй Муромцевъ.

СТАТЬИ и РѢЧИ.

ВЫПУСКЪ II.

НА ПЕРВОМЪ СЪѢЗДѢ РУССКИХЪ ЮРИСТОВЪ

и

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ЮРИДИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

(1875—1910)

МОСКВА.

1910.

Тип. Ов-а Р. П. Книгъ. Преемн. В. И. Вороновъ, Моховая, д. кн. Гагарина.

СОДЕРЖАНІЕ.

1875.

Стр.

На первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ (три рѣчи) . . 1

1879—1880.

Проектъ желѣзнодорожнаго закона (законопроектъ и объясненія) 64

1888.

Московское юридическое общество за первое двадцатипятилѣтіе (1863—1888) его существованія (рѣчь), — съ дополненіями по 1899 годъ 8

1910.

Памяти закрытаго общества (рѣчь) 62

На первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ

5, 6, 7 и 8 іюня 1875 года.

Три рѣчи.

I.

По докладу В. Н. Лешкова: „О правѣ промышленности, какъ основаніи для отличенія правъ торговаго и вексельнаго отъ гражданскаго".

Засѣданіе 6 іюня 1875 года.

Мм. Гг.! Докладъ профессора Лешкова заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: отрицательную — указаніе недостатковъ содержанія и системы дѣйствующихъ нынѣ законовъ XI тома и положительную — предложеніе новой системы взамѣнъ существующей *). Полагаю, что съѣздъ не станетъ оспаривать отрицательные выводы докладчика: уже давно у русскихъ юристовъ сложилось крѣпкое убѣжденіе въ наличіи коренныхъ недостатковъ и въ системѣ и въ самомъ содержаніи свода законовъ. Иное дѣло — положительная сторона доклада. Вопросъ о же-

*) Докладчикъ, переработывая понятія: право торговое и право вексельное въ болѣе широкое понятіе права промышленнаго и настаивая на коренномъ отличіи «промышленнаго права» отъ общаго гражданскаго, предлагалъ слѣдующую схему: I. Право промышленное частное (право промысловое, право торговое, судоустройство и судопроизводство) и II. Право промышленности общественное (учрежденія для развитія техническихъ свѣдѣній; установленія для усиленія оборотовъ и для образованія капиталовъ, особенно посредствомъ кредитныхъ установленій; охраненіе промышленности отъ вліянія извнѣ посредствомъ тарифовъ, консульствъ, трактатовъ).

БИБЛИОТЕКА

лательной системѣ новаго уложенія не таковъ, чтобы могъ быть разрѣшаемъ на съѣздѣ. Это прежде всего — вопросъ теоретическій, научный. Теорія, наука имѣютъ свой органъ въ печатномъ словѣ; съѣзду ближе вопросы практики. Поэтому, мм. гг., я предлагаю, соглашаясь съ заключеніемъ докладчика о неудовлетворительности нашихъ законовъ о промышленности, оставить предлагаемыя имъ положительныя указанія внѣ рѣшеній съѣзда...

Съѣздъ выразилъ согласіе съ мнѣніемъ докладчика о необходимости пересмотра устава торговаго (т. XI св. зак.) съ тѣмъ, чтобы В. Н. Лешковъ представилъ къ будущему съѣзду болѣе подробныя указанія, какимъ способомъ совершить означенную работу.

II.

По докладу А. М. Фальковскаго о предложеніи А. А. Книрима: „О необходимости новой кодификаціи гражданскаго права матеріальнаго взамѣнъ первой части X тома св. зак. и бо́льшей части торговаго устава, съ указаніемъ, какъ совершить эту работу“.

Засѣданіе 6 іюня 1875 года.

Мм. Гг.! Присоединяясь вполнѣ къ сказанному В. Д. Спасовичемъ *), нахожу необходимымъ сдѣлать, сверхъ того, два замѣчанія. Они имѣютъ цѣлью устранить недоразумѣнія, которыя лежатъ въ основѣ того мнѣнія, которое стоитъ за объединяющее значеніе русскаго гражданскаго кодекса. Вопервыхъ, вопросъ объединенія долженъ быть послѣднимъ вопросомъ въ общемъ процессѣ кодификаціи. Только тогда умѣстна рѣчь о распространеніи

*) В. Д. Спасовичъ, выступивъ сторонникомъ изданія хорошаго русскаго кодекса, высказался противъ объединенія гражданскаго законодательства на пространствѣ всей имперіи. На доводы своихъ противниковъ, ссылавшихся на примѣръ рецепціи Наполеонова кодекса въ Вестфаліи и Польшѣ, онъ указалъ, что непремѣннымъ условіемъ принятія чуждаго гражданскаго права является то обстоятельство, чтобы культурный характеръ вносимаго въ страну чуждаго закона былъ выше культуры этой страны.

русскаго кодекса на всѣ окраины имперіи, когда мы будемъ имѣть предъ глазами русскій кодексъ готовымъ, хотя бы въ главныхъ его основаніяхъ, и когда, слѣдовательно, будемъ имѣть возможность сравнить включенныя въ него положенія съ положеніями, содержащимися въ мѣстныхъ сводахъ. Но въ настоящее время этого еще нѣтъ. Въ настоящее время намъ ясно лишь то, что наши гражданскіе законы подлежатъ существенному пересмотру; къ какимъ же результатамъ приведетъ этотъ пересмотръ—мы не знаемъ. Поэтому говорить о замѣнѣ существующихъ мѣстныхъ законовъ неизвѣстнымъ намъ будущимъ закономъ во всякомъ случаѣ преждевременно.

Второе мое замѣчаніе относится къ недоразумѣнію теоретическаго характера. Въ нашемъ обществѣ какъ у не-юристовъ, такъ и у юристовъ, живетъ крѣпкая вѣра въ то, что гдѣ-то на Западѣ существуетъ готовая общая теорія гражданскаго права, — теорія, которая содержитъ въ себѣ принципы, одинаково примѣнимые ко всѣмъ народамъ и странамъ міра. Въ такой вѣрѣ кроется большое заблужденіе. Своимъ происхожденіемъ она обязана отчасти еще не вполнѣ вымершимъ представленіямъ объ естественномъ правѣ, отчасти же — неясному пониманію того историческаго факта, который извѣстенъ подъ именемъ рецепціи римскаго права. Было время, когда римское право было принято Германіей, и то обстоятельство, что чуждое право легло въ основаніе правовой жизни цѣлаго народа, не мало содѣйствуетъ образованію убѣжденія во всеобщей и вѣчной пригодности этого права. Теорія права, принимаемая обыкновенно за всеобщую, есть не что иное, какъ формулированное нѣмецкими юристами такъ наз. „современное римское право“. Оно стоитъ на римской почвѣ и его абсолютная пригодность для германской жизни уже давно подъ сомнѣніемъ у лучшихъ умовъ самой Германіи. Я разумѣю не только германистовъ, дѣйствовавшихъ съ извѣстной долей пристрастія. Въ послѣднее время положеніе дѣла выяснилось настолько, что одинъ изъ виднѣйшихъ ученыхъ изслѣдователей римскаго права въ

Германіи, не запинаясь, провозгласилъ, что въ римскомъ правѣ трудно найти хотя бы одинъ принципъ, который могъ бы быть приложенъ въ условіяхъ современной жизни Германіи безъ измѣненія.

Тѣмъ болѣе—въ Россіи. При нашей кодификаціи римское право можетъ служить рядомъ съ правами другихъ народовъ лишь для соображенія, критерій же мы должны искать у самихъ себя. Изученіе обычнаго права, изученіе народной жизни вообще должно лечь въ основу законодательства. Это изученіе покажетъ лучше всего несостоятельность мнѣнія сторонниковъ объединенія. Не говоря уже о мѣстныхъ различіяхъ, не существуетъ ли въ бытѣ различныхъ классовъ населенія въ одной и той же мѣстности такихъ рѣзкихъ различій, которыя устраняютъ всякую мысль о возможности единаго гражданскаго закона? Потребности нашего крестьянства ниже, нежели потребности образованнаго класса. Изученіе всѣхъ подобныхъ различій составляетъ насущный интересъ. Полагаю, мм. гг., что съѣздъ, ограничившись однимъ общимъ указаніемъ на неудовлетворительность дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ, сдѣлалъ бы очень мало: онъ повторилъ бы лишь давно всѣмъ извѣстное. Слѣдовало бы подумать о путяхъ къ выходу изъ неудовлетворительнаго положенія. Конечно, такая забота, въ ея цѣломъ, выходитъ далеко за предѣлы средствъ съѣзда, но не можетъ ли съѣздъ, напримѣръ, образовать для разработки настоящаго вопроса особую комиссію, которая подготовила бы дѣло къ будущему съѣзду?

Съѣздъ отвергъ желательность объединенія въ области гражданскаго законодательства. Предсѣдатель съѣзда разъяснилъ, что учрежденіе какой-либо комиссіи для разработки законодательныхъ вопросовъ не входитъ въ компетенцію съѣзда.

III.

По докладу Н. П. Ляпидевскаго: „О дополненіи дѣйствующаго законодательства постановленіями объ узаконеніи и признаніи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака".

Засѣданіе 8 іюня 1875 года.

Мм. Гг.! Когда мы слышимъ возраженія противъ уравненія въ правахъ незаконнорожденныхъ дѣтей съ законнорожденными*), тогда мы встрѣчаемся съ однимъ изъ тѣхъ явленій, которыя съ нѣкотораго времени принято называть пережитками и которыя играютъ не малую роль въ исторіи мысли. Явленіе пережитка состоитъ въ томъ, что тотъ или другой образъ мыслей, равно какъ тотъ или другой родъ поступковъ, существуетъ гораздо долѣе тѣхъ потребностей, которыя послужили къ его образованію. Думаю, что протестъ, исходящій изъ устъ противниковъ правъ незаконнорожденныхъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ не столько сознательному отношенію къ интересамъ практической жизни, сколько чувству, воспитанному извѣстными традиціями. Было время, когда пренебрежительное отношеніе къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ соотвѣтствовало міросозерцанію людей. Въ памяти современнаго общества особенно свѣжи два вліянія. Абсолютизмъ религіозныхъ вѣрованій, преслѣдовавшій все, запрещенное церковью, какъ въ самомъ его актѣ, такъ и въ его результатахъ, не мало содѣйствовалъ отверженію незаконнорожденныхъ. Другая причина невыгоднаго положенія ихъ заключалась въ соціально-политической розни, раздѣлявшей между собою различные классы общества. Въ наше время обѣ эти причины потеряли свое дѣйствіе. Проявленіе религіознаго чувства въ отношеніи незаконнорожденныхъ уже давно приняло гуманное направленіе и стало, слѣдовательно, дѣйствовать обратнымъ образомъ, нежели прежде. Политическія раз-

*) На съѣздѣ не было сдѣлано прямыхъ возраженій противъ предложеній докладчика, но нѣкоторые изъ ораторовъ предвидѣли возможность возраженій, съ которыми «придется» считаться при осуществленіи желательныхъ въ данномъ случаѣ законодательныхъ мѣръ.

личія въ народѣ пали, либо потеряли свое прежнее значеніе и у насъ, въ Россіи, можетъ быть болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Благодаря этому послѣднему обстоятельству весь интересъ различія въ правахъ законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ сводится въ настоящее время къ той категоріи различій, которая опирается на интересы матеріальнаго, имущественнаго свойства. Уравненіе правъ въ этой сферѣ не представляетъ такихъ затрудненій, какія оно могло бы представить прежде въ сферѣ политической. Такимъ образомъ юридическое неравенство незаконнорожденныхъ и законныхъ дѣтей представляется, и въ своихъ причинахъ, и въ своемъ объемѣ, гораздо менѣе значительнымъ, чѣмъ это кажется многимъ, благодаря пустившей въ нихъ корни традиціи. Но если самое неравенство сузило свою сферу, то тѣмъ легче должна быть борьба съ нимъ.

Здѣсь дѣлались ссылки на народную жизнь и на народное міросозерцаніе, идущія, будто бы, наперекоръ нашимъ желаніямъ. Я позволяю себѣ отнести вопросъ объ отношеніи народа къ незаконнорожденнымъ къ области вопросовъ спорныхъ. Его разрѣшеніе основывается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на личномъ опытѣ, на личномъ знакомствѣ съ народною жизнью, а опытъ каждаго изъ насъ въ этомъ случаѣ болѣе или менѣе ограниченъ. Мнѣ тоже приходилось становиться въ близкія отношенія къ нашему крестьянству и вынесенное убѣжденіе прямо противоположно убѣжденію, высказанному нѣкоторыми изъ говорившихъ здѣсь почтенныхъ сочленовъ. Я лично убѣжденъ, что народъ руководится въ своихъ чувствахъ и поступкахъ вовсе не идеальными принципами, которые мы приписываемъ ему по незнанію, но, напротивъ, очень часто — соображеніями матеріальнаго свойства. Сплошь и рядомъ можно видѣть, что крестьяне считаютъ справедливымъ освободить отца отъ всякихъ обязанностей относительно его законнаго сына лишь потому, что этотъ сынъ не выросъ въ семьѣ и, слѣдовательно, не работалъ на семью; напротивъ, предоставляются всѣ сыновнія права, даже право наслѣдованія послѣ отца, пріемышамъ, все

равно—имѣютъ ли они законное или незаконное происхожденіе. Вопросъ о законности рожденія оставляется въ сторонѣ. Впрочемъ я готовъ признать извѣстное значеніе и за противоположными свидѣтельствами и допускаю, что въ нѣкоторой мѣрѣ внѣбрачное рожденіе навлекаетъ на себя преслѣдованіе и въ средѣ народа; но, если это такъ, то для законодателя — тѣмъ болѣе основаній не идти по пятамъ населенія.

Народъ состоитъ не изъ одного простонародья. Вчера и третьяго дня мы много говорили, мм. гг., объ отношеніи закона къ народной жизни и согласились въ томъ, что законъ не долженъ идти противъ народнаго созерцанія, ибо онъ безсиленъ измѣнить его. Это положеніе не слѣдуетъ принимать абсолютно; оно подлежитъ ограниченіямъ. Когда народъ состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ, различныхъ по своей культурѣ, когда эти слои связываются между собою нѣкоторою общностью интересовъ—тогда ихъ взаимодѣйствіе неизбѣжно. Понятно, что въ концѣ концовъ перевѣсъ долженъ оказаться на сторонѣ наибольшей культурности. И я не думаю, что наиболѣе образованная часть русскаго народа правильно пойметъ свою задачу, если будетъ потакать грубымъ инстинктамъ массы. Задача образованнаго класса — цивилизовать массу. Потому имѣютъ свое основаніе законы, которые, не согласуясь съ простонародными воззрѣніями, стремятся измѣнить ихъ въ извѣстномъ направленіи.

Слѣдовательно, дѣло сводится къ вопросу—въ какой степени уравненіе въ правахъ законныхъ и внѣбрачныхъ дѣтей отвѣчаетъ требованіямъ цивилизаціи. Въ отвѣтѣ, какъ кажется, сомнѣваться нечего. Къ доводамъ, уже высказаннымъ, слѣдуетъ прибавить еще одинъ. Основной принципъ современнаго права есть принципъ справедливаго вмѣненія: никто не долженъ отвѣчать за чужую вину и внѣбрачныя дѣти не должны страдать за грѣхъ своихъ родителей. Я предлагаю съѣзду высказаться за возможно полное уравненіе въ правахъ дѣтей законныхъ и незаконныхъ.

Съѣздъ призналъ необходимость легитимаціи незаконныхъ дѣтей и ихъ имущественнаго обезпеченія.

Московское Юридическое Общество

за первое двадцатипятилѣтіе его существованія (1863—1888).

РѢЧЬ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА,

прочитанная въ торжественномъ засѣданіи 13 марта 1888 г.;
«Юридическій Вѣстникъ», 1888 г., № 4.

Авторъ этого историческаго очерка обязанъ многимъ раздѣлившимъ съ нимъ его трудъ сочленамъ: Н. А. Каблукову, составившему очеркъ дѣятельности статистическаго отдѣленія общества, и Л. В. Малинину (†) и П. В. Маркову, собравшимъ нужныя цифровыя данныя. Въ настоящемъ изданіи изложеніе дополнено свѣдѣніями, относящимися къ 1888—1899 годамъ. Принадлежащія сюда строки отмѣчены звѣздочкой *.

I.

Возникновеніе Общества.

Единственный документъ, содержащій въ себѣ хотя краткое, но цѣльное изложеніе первыхъ судебъ московскаго юридическаго общества [1]), свидѣтельствуетъ, что какъ только были обнародованы „Основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи“, такъ въ Москвѣ въ средѣ ученыхъ и практическихъ юристовъ зародилась мысль объ учрежденіи общества, въ засѣданіяхъ и собраніяхъ котораго желающіе

[1]) **В. Лешковъ.** *Историческая записка о Московскомъ Юридическомъ Обществѣ*, «Юридическая Газета», 1866 г., №№ 3 и 4.—Въ дополненіе см. того же автора: *Отчетъ о дѣятельности Московскаго Юридическаго Общества со времени его образованія*, тамъ же, №№ 8, 9 и 10.

могли бы ближе ознакомиться съ предстоявшими работами редакціонной комиссіи, легче освоиваться съ будущими преобразованіями и, по возможности, содѣйствовать распространенію юридическихъ понятій и началъ въ публикѣ. Думали образовать самостоятельное общество изъ лицъ, пользующихся извѣстностью, съ денежнымъ, болѣе или менѣе значительнымъ фондомъ, и съ цѣлью разработывать право вообще и распространять въ публикѣ здравыя юридическія понятія посредствомъ изданія трудовъ общества, чтенія публичныхъ лекцій по разнымъ отраслямъ права, даже отправленія на счетъ общества за границу молодыхъ людей, подающихъ надежду сдѣлаться полезными дѣятелями на поприщѣ отечественной юриспруденціи. Въ этомъ духѣ былъ проектированъ, къ сожалѣнію, не сохранившійся, первоначальный уставъ юридическаго общества. 20 января 1863 года состоялось многочисленное и разнообразное, по возрасту и положенію, собраніе лицъ, сочувствовавшихъ дѣлу, въ квартирѣ С. И. Баршева. Засѣданіе началось провозглашеніемъ С. И. Баршева предсѣдателемъ и потомъ чтеніемъ и разборомъ проекта устава. Было положено составить комиссію, которая приготовила бы проектъ съ задачею болѣе практическою, болѣе сообразною съ матеріальными и духовными средствами общества. Изъ комиссіи вышелъ новый проектъ устава, который, по разсмотрѣніи и утвержденіи его обществомъ, былъ представленъ на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

Въ ожиданіи утвержденія устава молодое общество продолжало свои собранія. Первый историкъ его свидѣтельствуетъ, что съ 10 марта 1863 года оно имѣло собранія, болѣе или менѣе правильныя, иногда по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ, что этимъ собраніямъ были ведены протоколы, болѣе или менѣе подробные, особенно по вопросамъ гражданскаго права. Разсужденія въ собраніяхъ иногда сопровождались обѣщаніемъ представить письменное изложеніе мнѣнія, иногда—дѣйствительною подачею такого мнѣнія. Преимущественною, если не со-

вершенно исключительною, областью для разсужденія общества служило гражданское и уголовное право. Изъ квартиры С. И. Баршева собранія были перенесены сначала въ частную же квартиру члена общества И. И. Мусина-Пушкина, потомъ въ залу Чертковской библіотеки и наконецъ въ зданіе университета. Еще въ апрѣлѣ 1863 года общество получило разрѣшеніе на свои собранія отъ военнаго генералъ-губернатора Тучкова, возобновленное потомъ его преемникомъ Офросимовымъ. Осенью 1864 года общество уполномочило своего предсѣдателя В. Н. Лешкова заявить московскому университету о своемъ желаніи присоединиться къ составу университета, что было встрѣчено благопріятно со стороны университетскаго совѣта (19 сентября 1864 г.). По ходатайству университета министръ народнаго просвѣщенія 17 февраля 1865 года утвердилъ проектъ устава „Юридическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ".

Такимъ образомъ въ 1888 году общество считаетъ два года своего существованія до утвержденія своего перваго устава и двадцать три года по его утвержденіи.

II.

Дѣятельность Общества до съѣзда русскихъ юристовъ [2]).

Въ только что народившемся обществѣ господствовалъ на первомъ планѣ живой интересъ къ устному обмѣну мыслей, свободному и искреннему, столь новому для тогдашняго русскаго человѣка; посѣтителей привлекало въ засѣданія общества зрѣлище борьбы идей и мнѣній. „Собранія юридическаго

[2]) Все дальнѣйшее изложеніе покоится на тѣхъ свѣдѣніяхъ (протоколы, отчеты, рѣчи и т. д.), которыя сохранились въ «Юридической Газетѣ» и «Юридическомъ Вѣстникѣ» за все время ихъ изданія и отчасти въ университетскихъ отчетахъ и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ печатались объявленія о засѣданіяхъ общества.

общества — это аудиторія, но аудиторія живая, гдѣ слушатели не только поучаются, но и поучаютъ; это — каѳедра, но каѳедра обширная, занятая профессорами, которые не только горды своими знаніями, но любятъ знаніе и готовы выслушать другихъ и поучиться. Наконецъ это—большая юридическая арена, на которой попеременно всѣ играютъ роль истцовъ, проводящихъ свои начала, или отвѣтчиковъ, защищающихъ свои воззрѣнія", — вотъ какъ формулировались впечатлѣнія, вынесенныя изъ первыхъ годовъ жизни общества. Впрочемъ не сразу выработалась полная возможность и способность къ свободному обсужденію поставленныхъ вопросовъ. При чтеніи первыхъ протоколовъ общества, свидѣтельствуетъ намъ его первый историкъ, чувствуется осторожность общества во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Вопросы гражданскаго и уголовнаго права, возбудившіе вниманіе членовъ, вносились на обсужденіе большею частью въ видѣ сомнѣній по объясненію или примѣненію тѣхъ или другихъ статей свода къ данному случаю, безъ подробнаго изложенія дѣла, которое, быть можетъ, разбиралось въ то же время въ извѣстномъ присутственномъ мѣстѣ. Повидимому лишь съ открытіемъ гласнаго суда исчезло послѣднее опасеніе предъ свободою преній. Разборъ отдѣльныхъ казусовъ или, точнѣе, отдѣльныхъ юридическихъ вопросовъ, порождаемыхъ казусами, составлялъ въ первое время преимущественный предметъ занятій. При этомъ членъ общества, вносившій вопросъ, ограничивался актомъ его внесенія на обсужденіе общества. Разъ вопросъ былъ внесенъ, общество приступало къ бесѣдѣ, въ которой вопросъ получалъ окончательную постановку, подвергался обсужденію и наконецъ рѣшался подачею голосовъ. Но рядомъ съ этимъ врывались въ молодую жизнь общества иныя теченія. Съ изданіемъ судебныхъ уставовъ въ средѣ общества возникло мнѣніе, что обществу надлежитъ заняться примѣрнымъ воспроизведеніемъ новыхъ формъ процесса, — какъ для собственнаго ознакомленія съ ними, такъ и для испытанія ихъ удобства, а главное—для открытія желаю-

щимъ возможности и случая практиковаться въ искусствѣ обвинять, защищать, публично говорить, ораторствовать. Согласно съ этимъ въ засѣданіяхъ общества было устроено нѣсколько пробныхъ судоговореній, но, какъ кажется, вкусъ къ такого рода времяпрепровожденію прошелъ довольно скоро. Критическій разборъ отдѣльныхъ казусовъ долженъ былъ, естественно, привести къ мысли о необходимости общаго пересмотра дѣйствующаго свода. Предлагали, раздѣливъ его томы между членами, подвергнуть ихъ критическому пересмотру, дополненію, уясненію, исправленію редакціи. По временамъ общество засѣдало, слушая чтеніе свода или судебныхъ уставовъ по статьямъ; но потомъ оно „видимо уставало и оставляло эту безотрадную работу". Столкновеніе новаго судопроизводства со старымъ, стремленіе къ возможно широкому примѣненію новой судебной правды породило мысль о разсмотрѣніи цѣлыхъ судебныхъ дѣлъ, подвергая ихъ перевершенію. Однако въ концѣ концовъ „интересъ такого дѣла оказался мелкимъ", возможность произнести свое рѣшеніе стѣснялась „недостаткомъ документовъ, неполнотою слѣдствія; работа становилась утомительною, — не работой, а хлопотами, не дѣломъ, а комедіей". Вѣрно одно, писалось въ 1866 году, что при свободѣ заявленій каждый изъ присутствующихъ находитъ въ собраніяхъ общества интересъ и пользу, что есть много основаній ожидать многаго отъ общества, но, что въ настоящую минуту оно все еще находится въ періодѣ своего образованія. А чрезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1871 г.) такъ вспоминали о первыхъ временахъ общества: „возникшее едва не наканунѣ введенія у насъ новыхъ судовъ, юридическое общество встрѣчено было съ обычною горячностью русскаго человѣка, легко увлекающагося всякимъ новымъ дѣломъ. И уже на первыхъ порахъ своего существованія общество насчитывало въ рядахъ своихъ чуть не сотни членовъ. Юристы самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ наполняли университетскую залу засѣданій общества. То была минута всеобщаго увлеченія новыми судами"...

Въ концѣ концовъ главный интересъ сосредоточивался на обсужденіи юридическихъ вопросовъ, порождаемыхъ практикой. Съ 10 марта 1863 г. по 17 февраля 1866 въ протоколы было занесено до 70 рѣшенныхъ вопросовъ и дѣлъ, изъ того числа на 1865—66 гг. падало 35 вопросовъ. Въ теченіе 1866—67 гг. членами общества внесено на его обсужденіе 24 вопроса; вмѣстѣ съ тѣмъ образовался и другой ихъ источникъ. Существовало мнѣніе, что тяжущіеся и другія заинтересованныя лица должны находить въ обществѣ совѣтъ и указаніе, возможно зрѣлый отвѣтъ на свои сомнѣнія. Въ засѣданіи 27 февраля 1866 года Н. В. Калачовъ предложилъ объявить въ газетахъ о томъ, что общество готово принять на себя разрѣшеніе интересныхъ для частныхъ лицъ, но сомнительныхъ для нихъ юридическихъ вопросовъ и что оно вообще готово давать юридическіе совѣты по дѣламъ. Это заявленіе было принято и въ теченіе 1866—67 гг. общество обсудило по запросамъ постороннихъ лицъ 18 вопросовъ достаточно разнообразнаго содержанія; рядомъ съ вопросами судебнаго характера здѣсь были и вопросы о предѣлахъ власти мировыхъ посредниковъ и земскихъ управъ, а также и о томъ, къ какому разряду гражданскихъ чиновниковъ принадлежатъ старшіе фельдшеры, кончившіе курсъ въ фельдшерской школѣ. Порядокъ разрѣшенія состоялъ въ томъ, что запросы, поступавшіе въ общество отъ постороннихъ лицъ, передавались въ особый комитетъ (подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачова), который составлялъ по каждому запросу письменное мнѣніе и докладывалъ это послѣднее обществу на его окончательное обсужденіе. Этотъ порядокъ обсужденія повліялъ, повидимому, и на порядокъ обсужденія тѣхъ вопросовъ, которые вносились членами общества. Было принято, что сочленъ, который заявляетъ сомнѣніе или вопросъ, напередъ самъ обозрѣваетъ, изучаетъ и пытается разрѣшить его, такъ что обществу остается обсуждать только его тезисы или положенія. Такимъ образомъ вошелъ въ практику общества письменный докладъ или рефератъ. Его содержаніе сосредоточива-

лось долгое время на вопросахъ гражданскаго и уголовнаго права. Сохранившіяся свѣдѣнія даютъ возможность установить въ слѣдующемъ видѣ число вопросовъ, разрѣшенныхъ обществомъ:

1863—65	35 (свѣдѣнія неполны).
1865—66	35
1866—67	42
1867—68	22
1868—69	свѣдѣній нѣтъ.
1869—70	тоже.
1870—71	28
1871—72	точныхъ свѣдѣній не имѣется: судя по числу засѣданій, надо полагать на каждый годъ отъ 20 до 30 вопросовъ.
1872—73	
1873—74	
1874—75	
1875—76	
1876—77	
1877—78	7

По мѣрѣ того какъ распространялась и развивалась дѣятельность новыхъ судебныхъ учрежденій, предъ нею блѣднѣла дѣятельность юридическаго общества, что касается до разрѣшенія вопросовъ гражданскаго и уголовнаго права. Этотъ родъ дѣятельности, вызвавшій въ свое время самое существованіе общества, все болѣе и болѣе становился достояніемъ другой сферы, другихъ учрежденій. Интересъ членовъ общества охладѣвалъ къ его обычнымъ занятіямъ, а вслѣдъ за тѣмъ народилось сознаніе необходимости направить дѣятельность общества по новому пути. „Къ концу 1866 года общество уже мало посѣщалось“, свидѣтельствуетъ намъ отчетъ за 1866—67 годъ, приписывая впрочемъ это явленіе другимъ причинамъ. Желаніе перейти отъ вопросовъ de lege lata къ вопросамъ de lege ferenda пріобрѣло новую силу. Въ томъ же 1866 — 67 году, именно въ ноябрѣ и декабрѣ 1866 года, пять засѣданій, и въ томъ числѣ одно экстренное, были посвящены чтенію и обсужденію проектовъ устава вексельнаго и устава о торговой

несостоятельности, внесенныхъ Н. В. Калачовымъ. Въ маѣ 1867 г. общество принимало участіе въ пріемѣ славянскихъ депутацій, прибывшихъ на этнографическую выставку. Въ торжественномъ соединенномъ собраніи университета и семнадцати ученыхъ и художественныхъ обществъ 18 мая 1867 года, состоявшемся для привѣтствія славянъ, была также депутація отъ юридическаго общества и его предсѣдатель произнесъ рѣчь. Что же касается до обычныхъ занятій, то „занятія общества въ 1867—68 г.“, читаемъ въ отчетѣ за этотъ годъ, „заключались попрежнему въ разрѣшеніи на основаніи теоріи и практики юридическихъ вопросовъ, которые предлагались на обсужденіе дѣйствительными его членами словесно или заявлялись письменно частными лицами. Нѣкоторые изъ членовъ признавали такую дѣятельность общества недостаточною и предлагали кромѣ того заняться теоретическою разработкою права по системѣ, слѣдуя отдѣламъ дѣйствующаго у насъ свода законовъ; предложеніе это, хотя не было окончательно принято, однако возбудило въ обществѣ желаніе расширить кругъ своей дѣятельности“, и въ началѣ 1868 года „былъ составленъ комитетъ изъ дѣйствительныхъ членовъ Н. В. Калачова, С. С. Шайкевича, А. И. Вицына и Э. Н. Сумбула для обсужденія этого вопроса“. Въ засѣданіи 20 февраля 1868 года Н. В. Калачовъ сообщилъ „Программу разработки началъ русскаго гражданскаго права по своду законовъ съ его источниками и по судебнымъ рѣшеніямъ“. Общество отнеслось сочувственно къ этой программѣ; но, понятно, читаемъ въ слѣдующемъ годовомъ отчетѣ, что подобный планъ работъ не могъ получить своего осуществленія въ обществѣ, состоящемъ преимущественно изъ лицъ, занятыхъ государственною службою и практическою дѣятельностью. Притомъ, продолжаетъ отчетъ, для коллегіальнаго рѣшенія доступны преимущественно вопросы изъ практики, составленіе же ученыхъ трактатовъ требуетъ скорѣе индивидуальной дѣятельности. Такое заявленіе вполнѣ совпадало съ другимъ, сдѣланнымъ три года раньше и гласившимъ, что наука вхо

въ общество чрезъ посредство тѣхъ мотивовъ, на которыхъ оно строитъ свои рѣшенія практическихъ вопросовъ; что же касается до научныхъ вопросовъ, какъ таковыхъ, то „научные вопросы постоянно и вездѣ носятъ и будутъ носить отпечатокъ личности. Ученые трактаты, какъ произведенія искусства, по своей законченной цѣлостности, суть явленія индивидуальности и личности. Для коллегіальнаго рѣшенія доступна только область практики, и только практическіе вопросы могутъ быть предметомъ бесѣдъ". Такимъ образомъ, и въ 1868—69 г. общество „по-прежнему удержало за собою преимущественно практическое направленіе". Слѣдующій годъ случайно оставилъ послѣ себя мало слѣда; но въ 1870—71 г., „оставаясь вѣрнымъ своему прошедшему, общество занималось обсужденіемъ вопросовъ изъ гражданскаго и уголовнаго права". Но тутъ же мы встрѣчаемся съ важнымъ нововведеніемъ. Въ разныхъ засѣданіяхъ общества были прочтены работы, названныя въ отчетѣ „сочиненіями" и содержавшія въ себѣ то попытки критико-догматической разработки русскаго права (В. Н. Лешковъ, А. М. Фальковскій), то рефераты по римскому праву (Н. П. Ляпидевскій). Въ годичномъ засѣданіи 17 февраля 1871 г. В. Н. Лешковъ прочелъ „юридическую библіографію, въ которой заключались между прочимъ отчеты о сочиненіяхъ Шталя, Тренделенбурга, Вагнера и друг.". „Трудно выбиваться изъ наѣзженной колеи", говоритъ тотъ же отчетъ, „но приходитъ тому пора. Чисто практическое направленіе общества съ каждымъ днемъ утрачиваетъ первоначальное свое значеніе. Дѣятельность новыхъ судебныхъ учрежденій и въ особенности кассаціонныхъ департаментовъ сената въ практическомъ отношеніи опережаетъ насъ и представляетъ громадный матеріалъ, требующій научной разработки и чрезвычайныхъ усилій со стороны юристовъ, чтобы изъ всего этого матеріала извлечь общія начала". Избранный въ 1870 г. въ члены общества В. И. Жилинъ-Кохновъ пишетъ весною 1871 года: „Всѣмъ извѣстно, что юридическое общество далеко не въ блестящемъ положеніи. Рвеніе юри-

стовъ къ обсужденію теоретическихъ и практическихъ вопросовъ права быстро стало утихать... Къ чести однако общества нужно сказать, что въ средѣ его нашлись люди, которые среди общаго охлажденія къ дѣлу общества продолжали и продолжаютъ вѣрить въ возможность возрожденія его". Чрезъ полгода тотъ же авторъ, въ „Юридической хроникѣ" „Юридическаго Вѣстника" (1871 г., № 9) измѣняетъ тонъ и свидѣтельствуетъ, что „въ послѣднее время замѣчаются признаки оживленія" въ обществѣ. „Мы надѣемся", читаемъ мы дальше, „что молодыя свѣжія силы, все чаще и чаще появляющіяся въ немъ, вдохнутъ жизнь въ наше общество, поддержатъ крѣпнущія силы его". „Общество пережило свой кризисъ разложенія, оно крѣпчаетъ незамѣтно, съ упованіемъ идетъ на встрѣчу лучшихъ дней". Такое заявленіе было вызвано, повидимому, не столько какимъ-либо существеннымъ измѣненіемъ въ дѣятельности общества, сколько сознаніемъ того самаго факта, который констатируется въ заявленіи: нѣкоторый приливъ новыхъ силъ, болѣе интенсивное желаніе каждаго выступить съ активнымъ участіемъ въ жизни общества, а отсюда—болѣе воодушевленный докладъ, бо́льшее оживленіе преній, порождающее, все вмѣстѣ взятое, сознаніе какъ бы возобновленной жизни.

Впрочемъ надо отмѣтить и возрастающій интересъ къ работамъ теоретическаго характера. Къ этому были и внѣшніе поводы. Въ 1871 году, декабря 29, праздновался юбилей М. П. Погодина и общество въ краткомъ адресѣ коснулось заслугъ юбиляра, оказанныхъ имъ исторіи и праву; вмѣстѣ съ тѣмъ В. И. Кохновъ произнесъ привѣтственную рѣчь. Чрезъ полгода двухсотлѣтній юбилей рожденія Петра Великаго праздновался также при участіи юридическаго общества, которое сообразно съ важностью событія имѣло 29 мая 1872 года особое засѣданіе, посвященное воспоминаніямъ о реформахъ Петра Великаго, совершенныхъ имъ въ области права. Измѣняется самый взглядъ на значеніе докладовъ теоретическаго содержанія. Изъ тѣхъ самыхъ устъ, которыя въ 1866 году отрицали науку,

какъ предметъ занятій для общества, слышится въ 1872 году нѣчто, почти противоположное. „Не все же вопросы дня, хотя часто жгучіе или животрепещущіе, постоянно полезные, практическіе въ обыденной жизни, должны составлять предметъ сужденія для нашего общества, тѣмъ болѣе, что рѣшеніе каждаго изъ такихъ вопросовъ права зависитъ отъ признанія извѣстнаго начала и принципа, которые съ своей стороны требуютъ общаго воззрѣнія на природу права и на самый его источникъ. Право обязательно — и человѣческая свобода требуетъ сознательной увѣренности въ разумной основѣ этой обязательности". Такъ начиналъ предсѣдатель общества свой докладъ „Объ основномъ источникѣ и общемъ строѣ права", прочтенный даже не въ годовомъ, а въ обыкновенномъ очередномъ засѣданіи (11 декабря 1872). Что же касается до годовыхъ засѣданій, то стало какъ бы правиломъ начинать ихъ чтеніемъ какого-либо теоретическаго реферата на тему болѣе или менѣе общаго содержанія. Въ годовомъ засѣданіи 19 февраля 1873 года В. Н. Лешковъ „прочелъ написанную имъ къ сему дню статью: „О субъектахъ и объектахъ права", вызвавшую по прочтеніи полное сочувствіе всѣхъ членовъ общества". Въ слѣдующемъ годичномъ засѣданіи 25 февраля 1874 г. онъ же прочелъ рѣчь „Наша средняя исторія общественнаго права"; въ годичномъ засѣданіи 17 февраля 1875 г. читались уже двѣ рѣчи (В. Н. Лешковъ и В. И. Кохновъ), что повторялось и на годичныхъ собраніяхъ 1876 г. (В. Н. Лешковъ, Н. В. Баснинъ). Но при всемъ томъ рѣчи и доклады теоретическаго содержанія носили эпизодическій характеръ; исходя отъ небольшой группы лицъ, мало связанные между собою, они не были въ состояніи стянуть къ себѣ жизнь общества, стать въ ея центрѣ. Общество нуждалось въ новомъ дѣлѣ, болѣе затягивающемъ въ себя, — способномъ привлечь къ себѣ на болѣе или менѣе продолжительное время наибольшую часть наличныхъ активныхъ силъ. Не находя такого дѣла внутри себя, общество могло легко схватиться за мысль, которая открывала бы

въ перспективѣ возможность участія въ какомъ-либо крупномъ общественномъ явленіи, — возможность хотя бы на время поглотить всецѣло умы, взволновать ихъ, кореннымъ образомъ нарушить монотонный ходъ обыденной жизни. Такою мыслью явилась мысль о съѣздѣ. Въ той самой „Хроникѣ“ (1871 г.), которая уже цитировалась выше, забрасывается первое слово о съѣздѣ русскихъ юристовъ. Давая отчетъ о юридическихъ съѣздахъ въ Германіи, авторъ высказываетъ гадательно надежду, что „нашему юридическому обществу, быть можетъ, суждено служить теперь микроскопическимъ зародышемъ нашихъ будущихъ съѣздовъ россійскихъ юристовъ“. Черезъ годъ робкое предположеніе выливается въ форму опредѣленнаго предложенія, которое вноситъ въ общество одинъ изъ старѣйшихъ его членовъ С. И. Баршевъ. Постановленіемъ 18 сентября 1872 г. общество образовало изъ среды себя комиссію для разработки проекта организаціи перваго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ. Еще чрезъ годъ (1873 г.) съѣздъ былъ разрѣшенъ правительствомъ, но потребовались цѣлые два года на осуществленіе этого разрѣшенія. Наконецъ 5, 6, 7 и 8 іюня 1875 года въ зданіи московскаго университета состоялся „Первый съѣздъ русскихъ юристовъ“.

III.

Дѣятельность общества со времени съѣзда русскихъ юристовъ.

Съѣздъ былъ крупнымъ явленіемъ не только въ жизни московскаго юридическаго общества, но и въ жизни всего русскаго общества. Въ первый разъ представителямъ юридическаго сознанія страны было предоставлено сойтись вмѣстѣ, чтобы открыто, предъ лицомъ общества и правительства, раскрыть современное состояніе права. Несмотря на то, что рамки работъ съѣзда были значительно ограничены, результатъ получился поразительный. Если не считать одного — двухъ до-

кладовъ научнаго характера, все остальное сводилось къ заявленіямъ о необходимости тѣхъ или иныхъ законодательныхъ реформъ, подчасъ достаточно крупныхъ, — и почти во всѣхъ случаяхъ съѣздъ сообщилъ тѣмъ заявленіямъ свою санкцію. Совершенно тотъ же характеръ носили и другія многочисленныя предложенія, недопущенныя до разсмотрѣнія съѣзда, и конечно, случись иначе, они встрѣтили бы со стороны съѣзда такое же сочувственное къ себѣ отношеніе. Съѣздъ былъ выразителемъ наболѣвшихъ правовыхъ нуждъ страны, — выразителемъ, хотя случайнымъ и кратковременнымъ. Юридическому обществу данъ былъ сильный урокъ. Нецѣлесообразно было бы настаивать на своемъ отказѣ отъ работъ de lege ferenda, какъ это дѣлали въ 1866 году; несправедливо было бы утверждать, что, „сочиняя" законы, общество низвело бы себя до пособничества разнымъ комиссіямъ, стало бы средствомъ для чужихъ цѣлей; напротивъ, въ такихъ работахъ общество, по указанію самой жизни, могло найти теперь наиболѣе плодотворное поле для своей дѣятельности.

Но въ наше время законодательное творчество немыслимо безъ содѣйствія науки. Если жизнь ставитъ запросъ въ реформѣ, то теорія, основанная на изученіи общей природы человѣка и общества и на историко-сравнительномъ изслѣдованіи своего и чужого опыта, опредѣляетъ путь, по которому надо идти, отвѣчая на запросъ жизни. И юридическому обществу предстояло войти въ тѣсное общеніе съ наукой, расширить свой кругозоръ ознакомленіемъ съ ея послѣдними результатами, для того, чтобы достойно приступить къ разработкѣ вопросовъ текущаго законодательства. Періодъ времени 1875—78 гг. былъ временемъ сближенія общества съ мѣстнымъ юридическимъ факультетомъ, къ этому времени, по сравненію съ прежнимъ, измѣнившимъ значительно свой составъ и физіономію. Большою потерею для общества была весною 1878 года безвременная кончина П. Л. Карасевича, секретаря общества, иниціатора комиссіи для собиранія матеріаловъ для

изданія гражданскаго уложенія, трудолюбиваго сотрудника „Юридическаго Вѣстника". „Нынѣ, читаемъ въ отчетѣ за 1877—78 годъ, почти всѣ профессоры юридическаго факультета состоятъ дѣйствительными членами общества, принимая, по возможности, участіе въ его засѣданіяхъ". Въ слѣдующемъ году то же явленіе констатируется гораздо рѣшительнѣе. „Вступленіе съ нами въ тѣсное, научное общеніе московскаго юридическаго факультета, который въ настоящее время въ полномъ своемъ штатномъ составѣ и почти со всѣми состоящими при немъ магистрантами, числится въ спискѣ членовъ" разсматривается отчетомъ за 1878—79 годъ какъ главная причина замѣченныхъ перемѣнъ въ дѣятельности общества. Пятнадцатый (1877—78) годъ жизни общества былъ годомъ перелома. Въ отчетѣ за этотъ годъ въ послѣдній разъ фигурируютъ с е м ь „вопросовъ" по дѣйствующему уголовному и гражданскому законодательству; съ этого времени „обсужденіе отдѣльныхъ вопросовъ" исчезаетъ окончательно изъ практики общества и въ теченіе дальнѣйшей дѣятельности его, лишь изрѣдка, по какому-либо исключительному случаю, ставится на обсужденіе такой вопросъ, интересъ котораго сводится всецѣло къ толкованію дѣйствующаго закона или къ разрѣшенію отдѣльнаго судебнаго казуса. Совсѣмъ иная волна хлынула въ жизнь общества. Вошедшіе въ его составъ новые дѣятели одинъ предъ другимъ спѣшатъ увлечь общество въ область предметовъ, волнующихъ современную юридическую науку или общественную жизнь Запада. Въ 1877—78 году общество уже выслушиваетъ нѣсколько такихъ докладовъ; въ 1878—79 году они поглощаютъ в с е его вниманіе. Двадцать девятъ докладовъ прочитываются въ этомъ году въ обществѣ, и, за исключеніемъ двухъ—трехъ, всѣ они посвящены самымъ разнообразнымъ вопросамъ не только гражданскаго или уголовнаго, но также государственнаго, международнаго, финансоваго права. Учрежденное для „теоретической и практической разработки права", общество приступило наконецъ къ возможно

полному осуществленію своей задачи; оно включило въ кругъ своей дѣятельности теорію и обняло всю область права, не суживая ея искусственно, вопреки своему уставу, въ рамки исключительно гражданскаго и уголовнаго правосудія.

Сначала интересъ къ теоріи права отодвинулъ на задній планъ интересъ къ текущимъ вопросамъ законодательства. На 29 докладовъ 1878—79 года насчитываются едва три доклада, которые оканчиваются предложеніями de lege ferenda; пять—шесть докладовъ посвящены ознакомленію общества съ законодательствомъ Запада по самымъ разнообразнымъ отдѣламъ и не менѣе пятнадцати отличаются чисто теоретическимъ содержаніемъ. Въ этомъ же году, по предложенію В. Н. Лешкова, учреждена особая комиссія для пересмотра и дополненія существующихъ программъ для собиранія народныхъ обычаевъ, преобразованная потомъ (засѣданіе 14 мая 1879 г.) въ комиссію для разработки обычнаго права; дѣятельность этой комиссіи продолжалась около двухъ лѣтъ. Но слѣдующій 1878—79 годъ начинается уже рядомъ докладовъ, заключенія которыхъ клонятся къ указанію необходимыхъ реформъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на годовое засѣданіе 5 марта 1879 года, за подписью 12 членовъ, вносится предложеніе „образовать въ обществѣ систематическую разработку вопросовъ гражданскаго и уголовнаго законодательства. Рядъ рефератовъ долженъ коснуться этихъ вопросовъ въ правильномъ порядкѣ и въ своей совокупности составить цѣльную работу". „Подобная работа", продолжало предложеніе, „получаетъ особое значеніе въ виду возникшаго въ Петербургѣ предположенія созвать второй съѣздъ русскихъ юристовъ. Московское юридическое общество могло бы предстать на этотъ съѣздъ съ законченнымъ рядомъ работъ, связанныхъ между собою". Общество приняло это предложеніе и образовало изъ своей среды „комиссію для организаціи правильнаго ряда рефератовъ по вопросамъ гражданскаго и уголовнаго законодательства". Комиссія тогда же приступила къ работѣ,

остановившись прежде всего на гипотечномъ уставѣ, проектъ котораго былъ опубликованъ правительствомъ въ 1874 году. Но вскорѣ пришлось пожертвовать этою работою другой, болѣе важной. Въ правительственныхъ сферахъ возникла рѣчь о желѣзнодорожномъ законодательствѣ и 14 апрѣля въ комиссіи явилось предположеніе о разработкѣ вопросовъ желѣзнодорожнаго права. Это предположеніе совпало съ приглашеніемъ предсѣдателя Высочайше утвержденной комиссіи по желѣзнодорожному дѣлу, графа Баранова, адресованнымъ на имя предсѣдателя общества. Гр. Барановъ приглашалъ общество подвергнуть разработкѣ вопросы желѣзнодорожнаго законодательства. Комиссія общества выработала въ 1879 г. мотивированный „проектъ закона о вознагражденіи за вредъ, причиненный неисправностями желѣзнодорожныхъ предпріятій", состоящій изъ 30 статей и разсмотрѣнный обществомъ въ теченіе четырехъ засѣданій въ началѣ 1880 г. Потомъ изъ комиссіи вышелъ такой же мотивированный „проектъ уголовнаго закона, относящагося до паровыхъ желѣзныхъ дорогъ". Этотъ проектъ состоялъ изъ 9 статей и обсуждался обществомъ въ засѣданіяхъ 6 и 13 октября того же 1880 г. Независимо отъ этого, вопросы de lege ferenda возбуждались въ самомъ обществѣ, такъ что въ 1880—81 году изъ общаго числа 21 доклада двѣнадцать примыкали болѣе или менѣе близко къ очереднымъ законодательнымъ вопросамъ и три — четыре доклада знакомили общество съ крупными явленіями въ законодательствѣ Запада. И вопросы экономическаго законодательства завоевали съ этого времени себѣ право на постоянное вниманіе юридическаго общества. Настроеніе, господствовавшее тогда въ обществѣ, выразилось въ рѣчи, сказанной предсѣдателемъ на годичномъ засѣданіи 23 февраля 1881 г. „Московское юридическое общество", говорилось въ этой рѣчи, „съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе средоточіемъ московскаго юридическаго міра. Юристы-теоретики и юристы-практики, профессора, магистратура, адвокаты, земскіе дѣятели входятъ въ боль-

шомъ числѣ въ составъ нашего общества. Оно должно быть учрежденіемъ, которому предстоитъ служить центромъ московскихъ юристовъ различныхъ профессій и положеній и объединять по возможности ихъ разнообразные интересы. Въ числѣ 300 своихъ членовъ юридическое общество считаетъ около 40 лицъ иногородныхъ. Такимъ образомъ звено, связующее юристовъ, переносится за предѣлы Москвы. Пусть юристъ, работающій въ провинціи, знаетъ, что, пріѣхавъ въ Москву, онъ будетъ принятъ какъ сочленъ московскою семьею юристовъ и съ перваго же раза не почувствуетъ себя сторонникъ для насъ человѣкомъ. Замѣченный въ послѣднее время ростъ числа нашихъ членовъ, принимающихъ въ жизни общества не одно фиктивное участіе, составляетъ естественное явленіе. Желательно было бы, чтобы всѣ достойные представители московской юриспруденціи сдѣлались нашими сочленами. — Но, мм. гг., наше общество сосредоточивается не въ одномъ только количественномъ отношеніи. Обративъ вниманіе на многочисленныя работы его членовъ, мы замѣчаемъ, что самая работа группируется въ извѣстномъ направленіи и вмѣстѣ съ тѣмъ воспринимаетъ извѣстную планомѣрность. Вопросы de lege ferenda — вотъ что занимало насъ по преимуществу въ послѣдніе годы. Не столько толкованіе существующихъ законовъ, сколько забота объ ихъ усовершенствованіи, стремленіе содѣйствовать ихъ преобразованію проникали работы московскаго юридическаго общества. Случайность ли это? Думаю, что нѣтъ. Наше общество раздѣляетъ въ этомъ случаѣ участь всего русскаго общества, которая опредѣляетъ въ настоящее время дѣятельность русскихъ общественныхъ собраній. Мы извѣрились въ силу бюрократическаго творчества; мы не ожидаемъ отъ него ничего благотворнаго для внутренней политической жизни Россіи. Наоборотъ,—мы не теряемъ надежды на то, что, можетъ быть, не въ очень далекомъ будущемъ русскія общественныя силы будутъ призваны къ бо́льшему, чѣмъ нынѣ, участію въ государственной жизни. Было бы легко-

мысленно въ ожиданіи этого лучшаго будущаго оставлять себя безъ надлежащей къ нему подготовки. Если лучшему будущему, дѣйствительно, суждено наступить, то оно не должно застигнуть насъ врасплохъ. Тогда некогда будетъ раздумывать, когда придется сразу передѣлывать то, что должно бы было, при иномъ порядкѣ вещей, передѣлываться постепенно, въ теченіе десятилѣтій. На представителяхъ русской общественной мысли и силы лежитъ обязанность теперь же приступить къ выработкѣ опредѣленныхъ предположеній. Такая необходимость начинаетъ живо чувствоваться въ земствѣ. Не по случайнымъ же причинамъ на земскихъ собраніяхъ послѣднихъ сессій все чаще и чаще раздается рѣчь по вопросамъ общегосударственнаго свойства и рядъ ходатайствъ заслоняетъ собою рѣшенія по мѣстнымъ интересамъ. Въ этомъ, съ перваго взгляда непозволительномъ пренебреженіи своими собственными частными интересами выражается на самомъ дѣлѣ сознаніе того знаменательнаго факта, что развитіе этихъ интересовъ дошло до грани, за которую перейти мѣшаетъ ей косность и обветшалость окружающей общей обстановки. Частный вопросъ сталъ въ полную зависимость отъ общаго. Эту истину пришлось сознать въ послѣднее время и юридическому обществу. Оно, мм. гг., признало, что задача его состоитъ въ проведеніи въ публику политическихъ идей, усвоеніе которыхъ требуется современнымъ общественнымъ состояніемъ Россіи. Оно взялось, далѣе, за дѣло трудное, но важное — за подробную разработку нѣкоторыхъ преобразованій, въ которыхъ нуждается наше законодательство".

Въ 1881—82 г. комиссія общества работала надъ проектомъ закона о перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ (А. Е. Носъ), проектомъ основныхъ положеній фабричнаго устава, проектомъ правилъ объ участіи служащихъ въ прибыляхъ предпріятія и надъ мотивированною программою для изслѣдованія и разработки институтовъ русскаго гражданскаго права. Изъ этихъ четырехъ работъ окончена была только вторая, и проектъ основныхъ положеній фабричнаго устава обсуждался обществомъ, по до-

кладу В. А. Гольцева, въ началѣ 1882 года въ продолженіе трехъ засѣданій.—Въ 1882—83 г. министръ юстиціи, извѣщая общество о приступѣ, по Высочайшему повелѣнію, къ общему пересмотру дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и къ составленію проекта гражданскаго уложенія, выразилъ въ своемъ письмѣ предсѣдателю общества ту мысль, что успѣшное выполненіе этого обширнаго и сложнаго труда возможно единственно при содѣйствіи всѣхъ юридическихъ силъ Россіи. „Принимая во вниманіе", продолжалъ министръ въ своемъ письмѣ, „что дѣятельность юридическихъ обществъ направлена преимущественно къ разработкѣ такихъ вопросовъ гражданскаго права, которые или вовсе не разрѣшаются дѣйствующими законами или разрѣшаются не вполнѣ удовлетворительно", министръ просилъ обратить вниманіе членовъ московскаго юридическаго общества „на ту существенную пользу, которую могло бы принести ихъ содѣйствіе собранію и разработкѣ матеріаловъ по гражданскому праву" и сообщить имъ, „что такое содѣйствіе будетъ принято съ живѣйшею признательностью". Общество едва заслушало это предложеніе, какъ изъ того же источника послѣдовало другое, отдававшее на его обсужденіе задачу съ болѣе опредѣленнымъ содержаніемъ. Министръ юстиціи, съ Высочайшаго соизволенія, препроводилъ на разсмотрѣніе общества уже готовый проектъ общей части уголовнаго уложенія. Общество обратилось въ этомъ случаѣ къ содѣйствію своей комиссіи, которая, подъ предсѣдательствомъ А. К. Вульферта, выработала докладъ, свидѣтельствовавшій о крайне серьезномъ отношеніи комиссіи къ своему дѣлу. Комиссія сочла нужнымъ не довольствоваться одними замѣчаніями практическаго свойства, но разобрать проектъ съ точки зрѣнія современной доктрины уголовнаго права. Докладъ комиссіи былъ предметомъ обсужденія въ одиннадцати засѣданіяхъ общества въ 1883 г. Впослѣдствіи почетный членъ общества и вмѣстѣ съ тѣмъ членъ правительственной комиссіи о составленіи уголовнаго уложенія Н. С. Таганцевъ какъ отъ себя, такъ и отъ

другихъ членовъ комиссіи выражалъ искреннюю признательность обществу за „столь тщательный разборъ проекта". „Разсматривая замѣчанія на проектъ и перерабатывая, на основаніи этихъ замѣчаній, первоначальный проектъ", свидѣтельствовалъ Н. С. Таганцевъ, „комиссія много разъ пользовалась съ величайшею пользою указаніями и замѣчаніями московскаго общества".—Къ обсужденію дальнѣйшихъ частей того же проекта (о преступленіяхъ личныхъ, о преступленіяхъ имущественныхъ) общество приступило непосредственно, безъ передачи ихъ въ комиссію, и посвятило этому дѣлу три засѣданія въ 1884 г., семь—въ 1885 г., три—въ 1886 г., одно—въ 1887 г. и одно—въ 1888 г. По вопросамъ, въ которыхъ юриспруденція соприкасается съ медициной и психіатріей, общество встрѣтило обязательное содѣйствіе со стороны извѣстнѣйшихъ московскихъ спеціалистовъ, вступившихъ въ ряды дѣйствительныхъ членовъ общества.

По всѣмъ вопросамъ de lege ferenda общество практиковало, какъ правило, заключительное и притомъ открытое голосованіе, въ которомъ опредѣленно выражалось мнѣніе общества. При этомъ общество избѣгало чисто редакціонной работы въ томъ сознаніи, что детальная разработка редакціи проектированныхъ постановленій — не дѣло многолюднаго собранія и что было бы безцѣльно тратить трудъ на окончательное установленіе редакціи, когда неизвѣстно, будетъ ли одобренъ правительствомъ самый принципъ постановленій. Принимая къ своему обсужденію проекты, общество или разсматривало и голосовало ихъ сплошь, статью за статьей, или же останавливалось только на тѣхъ статьяхъ, относительно которыхъ предлагались какія-либо замѣчанія. Рѣже голосованіе примѣнялось въ вопросахъ de lege lata, какъ скоро они предлагались въ формѣ сколько-нибудь общей: разрѣшеніе такихъ вопросовъ зависитъ много отъ особенностей каждаго отдѣльнаго случая, которыя не всегда можно предвидѣть. Наконецъ голосованію не было вовсе мѣста въ вопросахъ науки. Чтеніемъ реферата

и обмѣномъ мнѣній по поводу прочитаннаго ограничивалась въ такихъ случаяхъ дѣятельность общества. Въ видахъ лучшаго приготовленія членовъ къ оцѣнкѣ услышаннаго отъ референта требовалось иногда предварительное представленіе тезисовъ, въ другихъ случаяхъ пренія откладывались до другого засѣданія, каковой обычай сталъ практиковаться съ 1881—82 г.— Рефераты съ теоретическимъ содержаніемъ за десятилѣтіе 1878—1887 гг. составляли непрерывную канву, служившую опорою всей остальной дѣятельности общества. Въ большомъ разнообразіи предметовъ не трудно уловить единство направленія. „У общества есть свой духъ и свое направленіе — основы его самостоятельности", писалъ историкъ общества въ 1866 г. Такой же „духъ" и такое же направленіе сложились въ послѣдній періодъ его дѣятельности. Это направленіе было направленіемъ современной русской науки, взлелѣянной университетскимъ уставомъ 1863 года, укрѣпившей свои силы въ живомъ общеніи съ наукою Запада и вдохновляемой преобразовательными стремленіями самого законодательства. Изслѣдованіе закона въ связи съ нуждами жизни, внимательное отношеніе къ народному творчеству, сказывающемуся въ обычномъ правѣ и въ дѣятельности суда присяжныхъ, возможно полное огражденіе общества отъ преступленій въ связи съ гуманнымъ отношеніемъ къ преступнику, укрѣпленіе суда по совѣсти въ сферѣ гражданскаго правосудія, огражденіе жизни, здоровья, умственнаго и нравственнаго развитія рабочаго противъ эгоизма предпринимателей, споспѣшествованіе международному правовому общенію въ между-государственныхъ отношеніяхъ, въ области же чистой науки — признаніе закономѣрности явленій общественно правовой жизни и познаваніе ихъ, въ частности, путемъ историко-сравнительнаго изслѣдованія,— вотъ задачи, которыя юридическое общество дерзало рекомендовать современному ученому, государственному и судебному дѣятелю и къ разрѣшенію которыхъ оно приложило свои посильные труды.

На годовомъ засѣданіи 9 марта 1898 года предсѣдатель, характеризуя дѣятельность общества за новое десятилѣтіе (1888—1898), отмѣтилъ, что общество «не сошло съ однажды намѣченнаго имъ пути... Общество представляетъ собою арену, на которой вступающія въ научную жизнь свѣжія силы находятъ для себя соотвѣтствующія условія правильнаго упражненія. Примыкая къ университету, общество, однако, не стѣснено строго-очерченными рамками факультетской программы и въ состояніи отдавать свои часы на испытаніе научныхъ воззрѣній и вѣяній, еще не получившихъ оффиціальнаго признанія. Въ то же время, занимаясь отчасти по собственной иниціативѣ, отчасти по призыву правительства текущими вопросами судебнаго права и законодательства, общество не связано рамками того оффиціальнаго оппортунизма, который не дозволяетъ расширять возникшія предположенія за границы достижимаго лишь въ ближайшемъ будущемъ и при наличности лишь опредѣленныхъ условій. Вотъ это-то постоянно бодрящее и научную и практическую жизнь воздѣйствіе и составляетъ прямую и непосредственную задачу общества,—задачу, выполненіе которой въ тяжелыя годины пріобрѣтаетъ невольно оборонительный характеръ, а при болѣе благопріятныхъ условіяхъ можетъ пріобрѣсти широкое положительное развитіе. Людямъ практики такая задача дается чрезъ постоянное общеніе ихъ съ наукой, а людямъ науки—чрезъ сближеніе между собою отдѣльныхъ разрозненныхъ знаній. Смыслъ всего пути, пройденнаго обществомъ въ теченіе его тридцатипятилѣтняго существованія, заключался именно въ этомъ, постепенно совершавшемся расширеніи его кругозора. Работа практиковъ въ обществѣ поднялась отъ казусовъ до теоріи, а работа людей науки стала на почву единенія въ дружномъ союзѣ представителей отдѣльныхъ отраслей юридическаго, политическаго, историческаго и экономическаго знанія. Въ настоящую минуту намъ, можетъ быть, трудно ориентироваться съ полною точностью, каково истинное значеніе той обстановки, въ которой предстоитъ совершаться нашей дальнѣйшей работѣ. Но сохранимъ въ себѣ ту твердую увѣренность, что въ насъ самихъ найдется достаточно силъ, чтобы продолжать съ упорствомъ свой путь въ направленіи, созданномъ дружною работою первыхъ тридцати пяти лѣтъ»...

IV.

Статистическое отдѣленіе общества.

Большимъ успѣхомъ въ научной дѣятельности общества, естественно вытекавшимъ изъ его задачъ, было учрежденіе при обществѣ особаго статистическаго отдѣленія. Мысль, выраженная М. А. Саблинымъ въ январѣ 1882 года на одномъ частномъ собраніи дѣятелей земской статистики, подала поводъ къ предложенію, которое за подписью 22 членовъ было внесено на годовое засѣданіе общества 17 февраля того же года. „Занятія юридическаго общества", говорилось въ предложеніи, „соотвѣтствующія кругу наукъ, преподаваемыхъ на юридическомъ факультетѣ, съ теченіемъ времени очень усложнились. Важность экономическихъ и статистическихъ свѣдѣній и для теоретической разработки права, и для практическаго разрѣшенія юридическихъ вопросовъ, общеизвѣстна и многіе рефераты въ нашемъ обществѣ посвящены были именно темамъ такого рода. Но для подробной разработки всѣхъ подобныхъ данныхъ юридическое общество въ настоящее время не можетъ, безъ ущерба для своихъ главныхъ занятій, удѣлить достаточнаго простора; между тѣмъ потребность въ объединеніи статистическихъ работъ чувствуется все болѣе и болѣе. Земскіе статистики, благодаря трудамъ которыхъ общественное самосознаніе съ каждымъ годомъ дѣлаетъ значительные успѣхи, прямо выражаютъ необходимость совмѣстной обработки и программъ и пріемовъ статистическихъ изслѣдованій. Для учрежденія особаго статистическаго общества не достаетъ покуда научно-подготовленныхъ силъ. Образованіе же при юридическомъ обществѣ статистическаго отдѣленія соединитъ выгоды отдѣльнаго общества со всѣми преимуществами, которыя даются авторитетомъ стараго, уже завоевавшаго себѣ почетную извѣстность общества". Отнесясь съ полнымъ сочувствіемъ къ

предложенію, общество въ томъ же засѣданіи положило ходатайствовать объ учрежденіи статистическаго отдѣленія и вмѣстѣ съ тѣмъ учредило особую статистическую комиссію, работы которой послужили преддверіемъ къ работамъ будущаго отдѣленія. 23 февраля 1882 года состоялось первое засѣданіе комиссіи. Задачи ея были поставлены съ самаго начала на широкую теоретическую и практическую почву. Выражавшаяся самымъ серьезнымъ и настоятельнымъ образомъ потребность въ объединеніи программъ земско-статистическихъ изслѣдованій нисколько не заслоняла собою необходимости въ изученіи теоретическихъ работъ и въ знакомствѣ съ иностранной литературой по статистикѣ. Удовлетворить чисто практическому стремленію къ выработкѣ единства въ программахъ и пріемахъ статистическихъ изслѣдованій и въ обработкѣ матеріала, содѣйствовать теоретическому освѣщенію практическихъ изслѣдованій и живому общенію научной дѣятельности съ пріемами и результатами практическихъ изслѣдованій, распространять въ обществѣ статистическія свѣдѣнія и результаты, добываемые изслѣдованіями, при чемъ имѣть въ виду, что даваемое статистическими изслѣдованіями „точное ознакомленіе съ явленіями жизни всего сильнѣе возбуждаетъ стремленіе къ воздѣйствію на нихъ и, слѣдовательно, это воздѣйствіе тѣмъ возможнѣе и ближе къ своему осуществленію, чѣмъ шире распространено въ обществѣ, какъ понятіе о цѣляхъ и задачахъ статистическихъ изслѣдованій, такъ и знакомство съ вскрываемыми ими явленіями жизни“,—вотъ задачи, которыя поставила себѣ статистическая комиссія, по свидѣтельству ея перваго годичнаго отчета. Соотвѣтственно этимъ задачамъ распредѣлялась и дѣятельность комиссіи. Но прежде всего она озаботилась намѣтить программу своихъ работъ и на первомъ планѣ поставила изученіе программъ и пріемовъ работъ разныхъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій, чтобы такимъ путемъ придти къ заключенію о томъ, что въ нихъ можетъ быть приведено къ единству, допускающему сравнительную разработку добытаго ими мате-

ріала. Одновременно съ этимъ было приступлено къ разработкѣ программъ и пріемовъ собиранія свѣдѣній по такимъ отраслямъ статистики, которыя представлялись еще мало разработанными практикой. Въ то же время комиссія не замедлила приступить и къ ознакомленію съ результатами изслѣдованій и, начавъ свои занятія 23 февраля, закончила ихъ передъ лѣтними вакаціями лишь 23 іюня. По возобновленіи занятій послѣ вакаціоннаго времени—22 сентября начало свою дѣятельность уже статистическое отдѣленіе. Эта дѣятельность первое время лишь тѣмъ отличалась отъ дѣятельности комиссіи, что въ отдѣленіи было отведено больше мѣста ознакомленію съ результатами статистическихъ изслѣдованій, — и это обстоятельство находитъ свое объясненіе отчасти въ томъ, что засѣданія отдѣленія могли происходить не при закрытыхъ для публики дверяхъ и, слѣдовательно, сообщенія такого рода пріобрѣтали болѣе широкое значеніе, нежели въ томъ случаѣ, когда они дѣлались въ тѣсномъ кругу спеціалистовъ. Тѣмъ же характеромъ отличались занятія отдѣленія и въ слѣдующемъ году. Но расширяющіяся изъ году въ годъ земскія статистическія изслѣдованія, охватывающія все большее и большее пространство Россіи и касавшіяся все болѣе и болѣе разнообразныхъ сторонъ народной жизни, все съ бо́льшей настойчивостью заявляли о необходимости единства въ пріемахъ изслѣдованія и разработки матеріала, такъ какъ безъ такого единства становилось затруднительнымъ какъ изученіе этихъ трудовъ, такъ еще болѣе освѣщеніе на основаніи ихъ дѣйствительности для того широкаго района, который охватывали они и знакомство съ которымъ, помимо чисто практическихъ государственныхъ и общественныхъ цѣлей, имѣло широкую научную важность и значеніе. Подъ вліяніемъ этого третій годъ дѣятельности отдѣленія (1884—1885) знаменуется болѣе пристальнымъ изученіемъ земско-статистическихъ изслѣдованій съ точки зрѣнія программъ и пріемовъ собиранія и разработки данныхъ. Ежегодныя сообщенія В. И. Орлова о ходѣ земскихъ статистиче-

скихъ изслѣдованій и обзоръ программы этихъ изслѣдованій съ указаніемъ основаній къ ихъ объединенію, сдѣланный предсѣдателемъ отдѣленія А. И. Чупровымъ (зас. 4 мая 1884 г.), имѣли наиболѣе существенное значеніе въ направленіи занятій отдѣленія въ указанную сторону. Но на четвертомъ году (1885—86 г.) начатая работа на время затормозилась съ постигшею отдѣленіе тяжкою утратою въ лицѣ В. И. Орлова († 22 сентября 1885 г.), труды котораго положили начало тому широкому развитію земской статистики, безъ котораго самая мысль объ организаціи особаго статистическаго отдѣленія врядъ ли могла бы найти свое осуществленіе. При такихъ условіяхъ, независимо отъ того, что имя В. И. Орлова группировало вокругъ себя дѣятелей земской статистики, организованной частью непосредственно имъ самимъ, частью подъ его вліяніемъ, самое развитіе дѣятельности отдѣленія въ указанномъ направленіи не могло идти съ прежнимъ успѣхомъ за отсутствіемъ у кого-либо изъ членовъ отдѣленія столь основательнаго и полнаго, какъ у покойнаго Василія Ивановича, знакомства съ пріемами и ходомъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій. Его освѣдомленность въ области земско-статистическихъ изслѣдованій, гдѣ бы они ни производились въ Россіи, его личное знакомство со многими изъ изслѣдователей, его умѣнье поставить ясно, точно и практично вопросъ и освѣтить каждое теоретическое положеніе примѣрами живой дѣйствительности, его знакомство съ тѣмъ, въ какихъ предѣлахъ эта дѣйствительность допускаетъ примѣненіе тѣхъ или другихъ методологическихъ пріемовъ для ея изученія, его тонкое пониманіе явленій народной жизни, его живой и отзывчивый умъ, мѣткость въ опредѣленіи основнаго значенія того или другого явленія народной жизни, самый языкъ, наконецъ, столь умѣло выражавшій народное отношеніе къ тому или другому явленію жизни — все это рождало такой живой интересъ къ дѣлу въ членахъ отдѣленія, такое воодушевленіе и членовъ отдѣленія и публики, такую энергію въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи и изученіи

явленій народной жизни, что смерть Василія Ивановича не могла не отразиться на товарищахъ и друзьяхъ его, состоящихъ членами отдѣленія, нѣкоторымъ временнымъ ослабленіемъ ихъ энергіи въ дѣятельности по отдѣленію. Все это и отразилось отчасти на количествѣ засѣданій отдѣленія и числѣ происходившихъ въ немъ сообщеній. Но въ то же время годичный отчетъ о дѣятельности статистическаго отдѣленія за 1885—1886 г. отмѣчаетъ болѣе широкое развитіе общенія между статистическимъ отдѣленіемъ и его членами, находившимися въ провинціи. Это общеніе, вызывавшееся все бо̀льшей и бо̀льшей потребностью въ объединеніи земско-статистическихъ работъ и устанавливавшее болѣе и болѣе тѣсную связь между всѣми членами отдѣленія и дѣятелями статистики, находившимися въ разныхъ концахъ Россіи, повело наконецъ къ осуществленію давно намѣченной цѣли: разработать систематически программу земскихъ статистическихъ изслѣдованій при участіи возможно бо̀льшаго числа членовъ отдѣленія, состоящихъ въ то же время земскими статистиками въ различныхъ губерніяхъ Россіи. Въ январѣ и февралѣ 1887 г. статистическое отдѣленіе стало живымъ средоточіемъ земско-статистическихъ силъ, собравшихся на это время въ Москву съ различныхъ концовъ Россіи. Результатомъ этой усиленной дѣятельности отдѣленія, выразившейся въ почти безпрерывныхъ засѣданіяхъ комиссій и подкомиссій, получилась довольно обширная и систематически разработанная программа, вызвавшая въ свою очередь болѣе живой обмѣнъ мыслей между статистическими силами Москвы и провинціи. Статистическое отдѣленіе, бывшее и до того средоточіемъ, къ которому обращались провинціальные статистики по различнымъ поводамъ и въ которомъ они вызывали своими трудами духъ живого практическаго изслѣдованія дѣйствительности, послужило въ этомъ случаѣ и къ болѣе живому развитію общенія между земскими статистиками различныхъ губерній.

Дѣятельность статистическаго отдѣленія неминуемо огра-

зилась на дѣятельности самого юридическаго общества. Въ обществѣ возросъ интересъ къ вопросамъ экономическаго законодательства Были доклады, которые выслушивались и обсуждались въ соединенныхъ собраніяхъ общества и отдѣленія Въ 1885 году возникъ, по иниціативѣ В. Ю. Скалона (засѣданіе 18 марта), грандіозный проектъ изслѣдованія крестьянскаго дѣла за двадцатипятилѣтіе (1861—1886); была выработана программа такого изслѣдованія („Юридическій Вѣстникъ", 1886 г., № 2), но дальнѣйшее осуществленіе этого дѣла остановилось по обстоятельствамъ, отъ общества независѣвшимъ [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что союзъ юристовъ съ экономистами, воплощенный въ

[3]) По этому поводу общество на годовомъ собраніи 10 марта 1886 г. входило въ обсужденіе вопроса о правѣ своемъ, по уставу, на подобное изслѣдованіе и остановилось на слѣдующихъ соображеніяхъ, которыми общество руководилось, выработывая составленную имъ программу изслѣдованія крестьянскаго дѣла, и на тѣхъ законныхъ основаніяхъ, «по которымъ общество полагало, что изслѣдованіе юридическихъ преобразованій, связанныхъ съ великою реформой 19 февраля, не находитъ себѣ препятствія въ утвержденномъ министромъ народнаго просвѣщенія уставѣ общества» «По § 1 устава цѣль общества — теоретическая и практическая разработка права и распространеніе юридическихъ свѣдѣній. По § 23 устава цѣль учрежденнаго въ составѣ юридическаго общества статистическаго отдѣленія состоитъ въ теоретической и практической разработкѣ статистики и распространеніи статистическихъ свѣдѣній. Руководствуясь этими положеніями своего устава, общество въ составленной имъ программѣ имѣло въ виду именно такія стороны крестьянскаго дѣла, которыя представляютъ собою или юридическій или статистическій интересъ Въ первомъ отношеніи программа обращаетъ вниманіе на судебное и административное устройство крестьянъ и на особенности ихъ юридическаго быта, какъ напримѣръ на опеку и попечительство, на семейные раздѣлы, сдѣлки и договоры, институты, имѣющіе большое значеніе теперь, когда подготовляется переработка всего гражданскаго и уголовнаго законодательства. Московское юридическое общество тѣмъ болѣе имѣетъ основаніе обратить вниманіе на изслѣдованіе дѣйствующаго обычнаго права и на доступные статистическому наблюденію факторы крестьянскаго быта, что къ его содѣйствію обратились

союзѣ общества и его отдѣленія, обѣщаетъ въ будущемъ еще многое. Статистическое отдѣленіе было вызвано къ жизни требованіями самой дѣйствительности. Многія сообщенія, дѣлавшіяся въ засѣданіяхъ отдѣленія, находили себѣ мѣсто въ лучшихъ изъ русскихъ журналовъ и содѣйствовали, такимъ образомъ, распространенію въ русскомъ обществѣ точныхъ знаній о явле-

---

Высочайше учрежденныя комиссіи для составленія гражданскаго и уголовнаго уложеній Съ другой стороны въ видахъ «практической разработки статистики и распространенія статистическихъ свѣдѣній» (§ 23 устава), программа обращаетъ вниманіе на число уставныхъ грамотъ, на количество купленной крестьянами земли, на число выкупныхъ сдѣлокъ, на число дѣлъ, разрѣшенныхъ крестьянскимъ присутствіемъ, на число властей и на измѣненія, происшедшія въ ихъ размѣрахъ, на число семейныхъ раздѣловъ и т д., т-е. исключительно на рядъ такихъ вопросовъ, выраженіе которыхъ въ большихъ числахъ, при правильномъ статистическомъ наблюденіи и правильной обработкѣ, можетъ дать цѣнный матеріалъ законодательству, обращающему въ настоящее время особенное вниманіе на устройство крестьянскаго дѣла. Руководствуясь примѣромъ западно-европейскихъ ученыхъ обществъ, особенно германскихъ, оказавшихъ, несмотря на существованіе образцовой оффиціальной статистики, немаловажныя услуги государственной власти своей страны, московское юридическое общество считало своимъ долгомъ посильно содѣйствовать уясненію происшедшихъ за четверть вѣка измѣненій въ судебномъ, административномъ и поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Относящіеся сюда вопросы программы клонятся къ количественному выраженію изслѣдуемыхъ явленій, въ заключительномъ же замѣчаніи программы высказано пожеланіе, «чтобы матеріалъ тамъ, гдѣ это возможно, былъ выраженъ въ цифрахъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ общество имѣло въ виду, что Положеніе 19 февраля представляетъ собою законодательный актъ, и потому изученіе его дѣйствія входитъ въ число прямыхъ задачъ юридическаго общества (§ 1 устава), каковое изученіе можетъ быть достигнуто, главнымъ образомъ, путемъ намѣченнаго обществомъ изслѣдованія».—На основаніи всего сказаннаго общество осталось при убѣжденіи, что составленная имъ «программа изслѣдованія крестьянскаго дѣла за истекающее двадцатипятилѣтіе» вполнѣ согласуется съ его уставомъ.

ніяхъ народной и хозяйственной жизни Россіи. Въ то же время привлеченіе въ среду членовъ юридическаго общества лицъ, работающихъ въ провинціи, о чемъ уже говорилось выше, получило болѣе широкое и прочное примѣненіе. Статистикъ, пріѣхавшій въ Москву, не только не почувствуетъ себя стороннимъ человѣкомъ, но прямо войдетъ въ среду знакомыхъ лицъ, работающихъ на одномъ съ нимъ полѣ и въ одномъ направленіи, одинаково плодотворномъ, какъ въ общественномъ, государственномъ, такъ и научномъ отношеніи.

Въ послѣдующіе годы (1888—1899) дѣятельность статистическаго отдѣленія развивалась въ томъ же направленіи и оно, знакомя широкіе круги общества съ результатами статистическихъ изслѣдованій въ области хозяйственныхъ явленій и народнаго образованія, продолжало оставаться центромъ, объединяющимъ земскихъ статистиковъ, и много содѣйствовало объединенію программъ и плановъ земско-статистическихъ изслѣдованій. Этому служили засѣданія, устраивавшіяся съ участіемъ большого числа провинціальныхъ членовъ отдѣленія. Такимъ образомъ уже въ январѣ—февралѣ 1887 г. была выработана программа, объединяющая земско-статистическія изслѣдованія. Тому же служила комиссія по вопросу объ организаціи земско-статистическихъ изслѣдованій, засѣданія которой съ участіемъ большого числа земскихъ провинціальныхъ статистиковъ происходили 9—20 февраля 1898 г. Эти работы статистическаго отдѣленія много содѣйствовали правильной постановкѣ оцѣночныхъ изслѣдованій и по сіе время сохраняютъ свое значеніе.

V.

Василій Николаевичъ Лешковъ.

(ср «Юридическій Вѣстникъ», 1881 г., № 2).

Первыя семнадцать лѣтъ жизни общества связаны тѣсно съ именемъ Василія Николаевича Лешкова. По справедливому утвержденію отчета за 1880—81 годъ, В. Н. былъ за все время своей дѣятельности въ обществѣ истинною душою его. „Вѣчно юный душою, вѣчно отзывчивый на вопросы дня“,

онъ былъ въ исторіи общества „живымъ соединительнымъ звеномъ, живою лѣтописью, хранителемъ традицій общества“ Онъ несъ на себѣ всѣ хлопоты, связанныя съ первоначальнымъ устроеніемъ общества, благодаря ему возникла и держалась связь этого послѣдняго съ московскимъ университетомъ Въ тотъ періодъ времени, когда общество было поглощено разработкой вопросовъ дѣйствующаго права, „В. Н., этотъ служитель чистой науки, самъ заинтересовался и сумѣлъ заинтересовать другихъ этою кропотливою, на первый взглядъ, мелочною работою. Нельзя было не изумляться, какъ этотъ человѣкъ кабинетнаго труда всегда умѣлъ въ практическихъ вопросахъ подмѣтить какую-нибудь сторону, упускаемую изъ виду практиками по профессіи“. Нѣтъ почти протокола, который не заключалъ бы въ себѣ обстоятельно мотивированное мнѣніе В. Н. Въ изданіяхъ общества свыше 30 статей принадлежатъ перу В. Н. Въ тяжелые годы существованія общества, когда вниманіе его членовъ было развлечено дѣятельностью общественною, въ болѣе широкомъ смыслѣ, В. Н употребилъ всѣ усилія своей энергіи на то, чтобы не дать разбрестись окончательно своему разсѣянному стаду. „Какъ вѣрный стражъ, онъ одинъ не покидалъ своего поста, имѣя около себя небольшую, но преданную интересамъ юридическаго общества группу людей, въ числѣ которыхъ справедливость гребуетъ назвать А. М. Фальковскаго и В. И Кохнова“. Если жизнь общества протекла непрерывно со времени его основанія, если мы въ настоящее время (1888 г) являемся продолжателями стараго дѣла, если общество имѣетъ традицію, то счастливымъ виновникомъ всего этого, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами изъ нашей среды, является В. Н. Онъ такимъ образомъ содѣйствовалъ сосредоточенію силъ общества. „Вѣря въ животворное дѣйствіе общенія слова“, В. Н. горячо принялся за осуществленіе перваго съѣзда русскихъ юристовъ, для котораго онъ приготовилъ три реферата. Онъ былъ членомъ подготовительной комиссіи съѣзда и товарищемъ предсѣдателя

самаго съѣзда „Сохранивъ и поддержавъ свое созданіе въ самыя трудныя минуты его жизни, В. Н. Лешковъ на склонѣ лѣтъ имѣлъ завидное утѣшеніе видѣть, что усилія его не пропали даромъ, что подвигъ его жизни былъ не напрасенъ, что сѣмя, брошенное имъ, принесло плоды".

Съ 1863 г. по 1880 В. Н. состоялъ почти безсмѣннымъ предсѣдателемъ общества Въ отчетѣ за 1867—68 г. записано, что по болѣзни своей В. Н. лишенъ былъ возможности въ послѣднее полугодіе принимать участіе въ засѣданіяхъ общества. Та же болѣзнь заставила его отказаться вовсе отъ избранія въ ту же должность въ слѣдующемъ году Это вызвало со стороны общества адресъ, въ которомъ оно выражало В. Н. свою благодарность „какъ за добросовѣстное и просвѣщенное исполненіе имъ въ теченіе пяти лѣтъ обязанностей предсѣдателя, такъ вообще за горячую любовь В. Н. къ обществу, доказанную трудами его на пользу общества и постояннымъ къ нему вниманіемъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ общество постановило избрать В. Н. своимъ почетнымъ членомъ,—и это обстоятельство послужило ближайшимъ поводомъ къ пересмотру самаго устава общества, который въ первоначальномъ своемъ видѣ не содержалъ никакихъ постановленій о почетныхъ членахъ. Въ заключеніи своего адреса общество свидѣтельствовало, что „въ послѣднее время В. Н. одинъ изъ всѣхъ профессоровъ московскаго университета тѣсно связывалъ общество съ этимъ высшимъ святилищемъ науки и съ юридическимъ его факультетомъ". Въ 1869 году В. Н. вернулся на свой постъ предсѣдателя и проявлялъ живую дѣятельность еще въ продолженіе десяти лѣтъ. Годовое засѣданіе 21 февраля 1872 года было открыто поднесеніемъ В. Н. Лешкову отъ членовъ общества серебрянаго кубка, при чемъ секретарь общества А. М. Фальковскій произнесъ отъ имени общества привѣтственное слово. Въ 1879—80 г. В. Н., продолжая состоять предсѣдателемъ общества, не могъ, по болѣзни, явиться въ общество въ теченіе цѣлаго года. Когда наконецъ въ 1880 г. онъ прислалъ

свой рѣшительный отказъ отъ новаго избранія, тогда общество выразило свою благодарность новымъ адресомъ, въ которомъ В. Н вмѣнялось въ заслугу, что, „поставивъ юридическое общество въ тѣсную связь съ университетомъ, онъ одинаково неутомимо руководилъ собраніемъ въ разрѣшеніи вопросовъ какъ общихъ, такъ и нерѣдко частныхъ, повидимому, мелочныхъ, вѣруя, что изъ незамѣтныхъ и незначительныхъ на видъ подробностей складывается цѣльность организма, долженствующаго жить долгую жизнь, что неправильная черта второстепенной подробности портитъ и искажаетъ изящество цѣлаго образа“ „Въ годичныхъ собраніяхъ своими рѣчами В Н. неустанно указывалъ на необходимость тѣснѣйшей связи закона съ народною жизнью, полнаго довѣрія законодателя къ народу, ихъ взаимодѣйствія и самодѣятельности государства въ его цѣломъ составѣ, какъ условій живого осуществленія и развитія законодательства“. „Не одно вліяніе Вашихъ научныхъ указаній“, продолжаетъ адресъ, „не одно Ваше политическое руководство съ благодарностью вспоминаетъ московское юридическое общество въ торжественный часъ разлуки съ Вами, многоуважаемый Василій Николаевичъ. Въ нашемъ отечествѣ для нашей возрастающей интеллигенціи представляется еще слишкомъ мало возможности пріобрѣсти навыкъ къ коллегіальному обсужденію общихъ вопросовъ. Одиночная умственная дѣятельность, не управляемая публичнымъ общеніемъ, зачастую ведетъ къ нетерпимости, исключительности, предвзятымъ рѣшеніямъ, трудности соглашенія. Отсутствіе гласности развиваетъ индивидуализмъ до крайнихъ предѣловъ. Нуженъ былъ особый даръ руководить преніями, сводить въ немногія юридическія формулы разнообразныя воззрѣнія, резюмировать заключеніе. Этимъ высокимъ даромъ Вы обладали вполнѣ. Вашимъ преемникамъ Вы оставляете, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, законченный образъ предсѣдателя просвѣщеннаго, безпристрастнаго, внимательнаго, служащаго средоточіемъ дѣятельныхъ силъ общества“

17 ноября 1880 г.. оправившись нѣсколько отъ своего недуга, В Н появился снова въ средѣ общества, которое привѣтствовало его появленіе горячими и продолжительными рукоплесканіями. Въ послѣдній разъ общество видѣло В. Н. въ своей средѣ 15 декабря 1880 г Съ небольшимъ чрезъ мѣсяцъ (21 января 1881 г.) онъ скончался. На похоронахъ покойнаго общество чествовало его память возложеніемъ вѣнка и надгробною рѣчью, произнесенной предсѣдателемъ: чрезъ особую депутацію было выражено соболѣзнованіе общества семейству покойнаго по случаю понесенной имъ утраты, былъ изданъ на счетъ особой подписки и разосланъ при „Юридическомъ Вѣстникѣ“ портретъ покойнаго, приложенный позднѣе и къ изданію „Трудовъ перваго съѣзда русскихъ юристовъ“; открыта подписка на премію имени В. Н Лешкова, которую предположено выдавать студентамъ московскаго университета за сочиненія по вопросамъ самоуправленія. Засѣданіе 26 января 1881 г. предсѣдатель общества открылъ слѣдующимъ заявленіемъ, которое члены общества и публика выслушали стоя: „Московское юридическое общество съ чувствомъ глубокаго прискорбія заноситъ въ свою лѣтопись кончину В. Н. Лешкова и высоко чтитъ память усопшаго Оно чтитъ въ немъ ученаго, который, вѣруя въ творческія силы русскаго народа, поддерживалъ въ наукѣ идею о живительномъ вліяніи народоправства. Оно чтитъ въ немъ профессора, который развивалъ во многихъ поколѣніяхъ своихъ учениковъ любовь къ самоуправленію Общество чтитъ въ покойномъ одного изъ своихъ основателей, сохранившихъ неизмѣнную преданность обществу до конца своей жизни; оно чтитъ въ немъ своего предсѣдателя, подъ руководствомъ котораго собиралось и дѣйствовало 16 лѣтъ; оно чтитъ въ немъ руководителя своихъ изданій; оно чтитъ въ немъ своего добраго и незабвеннаго сочлена, мудростью и опытностью котораго пользовалось постоянно Юридическое общество чтитъ въ покойномъ человѣка, въ уваженіи къ которому объединялись всѣ личныя отношенія. Да живетъ

среди насъ память о Василіи Николаевичѣ!“ Наконецъ въ послѣдующемъ за симъ годовомъ засѣданіи 23 февраля 1881 г. общество выслушало рѣчь А. М. Фальковскаго, посвященную памяти В. Н., къ его же памяти обращались въ томъ же засѣданіи въ своихъ рѣчахъ предсѣдатель и секретарь общества. „Какъ человѣкъ мысли, слова и дѣла“, говорилось въ рѣчи А. М. Фальковскаго, „поднявшійся до высотъ и горъ общества, среди котораго суждено было ему пожить и потрудиться, онъ сумѣлъ между ними и тою скромною средою, гдѣ занялась заря его жизни, сохранить должную непрерывность и не перестать любить все хорошее, народное, и не отдѣлять себя отъ народнаго непроходимою бездною. Вѣра и наука родили въ немъ надежды на лучшее будущее общества, народа, и наложили чрезвычайно симпатичную окраску на всѣ его помыслы и поступки. Но это лучшее будущее представлялось ему не только ожидаемымъ отъ нынѣ живущихъ силъ плодомъ, но и послѣдствіемъ раскрытаго имъ, сравнительно-историческими пріемами, всего предшествовавшаго внутренняго единаго развитія жизни русскаго народа отъ колыбели и до настоящаго его возраста. И съ какимъ умѣніемъ сближалъ онъ всегда не разъ порванные внѣшними, случайнаго характера, событіями, концы нити этого единства и какъ сердечно, убѣдительно, требовалъ болѣе справедливаго для народа распредѣленія духовнаго и матеріальнаго довольства, къ которому, по мнѣнію его, издревле обращались взоры лучшихъ русскихъ людей!“

VI.

Почетные члены общества.

Первымъ почетнымъ членомъ общества былъ Василій Николаевичъ Лешковъ (съ 21 февраля 1872 г.); самая мысль объ установленіи званія почетнаго члена возникла въ обществѣ вслѣдствіе желанія почтить выдающіяся заслуги В. Н. (ум. 1881 г.) — Вслѣдъ за избраніемъ В. Н. Лешкова есте-

ственно должна была возникнуть мысль о томъ, чтобы тотъ же знакъ признательности со стороны общества былъ оказанъ по отношенію къ другимъ старѣйшимъ дѣятелямъ его. Въ засѣданіи 19 февраля 1873 года были избраны въ почетные члены: Николай Васильевичъ Калачовъ (ум. 1881 г.), имя котораго постоянно упоминается на страницахъ исторіи общества, Сергѣй Ивановичъ Баршевъ (ум. 1882 г.), первый предсѣдатель общества, иниціаторъ съѣзда русскихъ юристовъ, и Эсперъ Николаевичъ Сумбулъ (ум. 1896 г), первый секретарь, оказавшій „особыя услуги обществу въ періодъ его образованія и сложенія своими юридическими трудами". Наконецъ въ слѣдующемъ году въ засѣданіи 25 февраля 1874 г въ списокъ почетныхъ членовъ внесенъ Адамъ Михайловичъ Фальковскій (ум. 1896 г.) „за труды по изданію „Юридическаго Вѣстника" и вообще за полезную дѣятельность въ обществѣ".

Избраніемъ въ почетные члены общество воздавало также должную честь лицамъ, оказавшимъ особыя заслуги въ области обществовѣдѣнія и юриспруденціи или же прославившимъ себя на поприщѣ государственной либо судебной дѣятельности. Въ засѣданіи 19 февраля 1873 г. были избраны Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ (ум. 1907 г.) и Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ (ум. 1873 г.). Въ засѣданіи 25 февраля 1874 г. избраны въ почетные члены Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ (ум. 1906 г.), Николай Степановичъ Таганцевъ и Иванъ Яковлевичъ Фойницкій „за труды ихъ по уголовному праву". Тогда же послѣдовало избраніе Александра Владиміровича Лохвицкаго (ум. 1885 г.). А.В. Лохвицкій пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность своими научными трудами по исторіи права, по государственному и уголовному праву. Не меньшую извѣстность пріобрѣлъ онъ какъ публицистъ и судебный ораторъ. „Однимъ изъ личныхъ его достоинствъ была его по истинѣ рѣдкая доброта и искренняя готовность оказать дѣйствитель-

ную помощь всякому нуждающемуся въ ней". Въ засѣдании 17 февраля 1875 г. въ почетные члены избраны Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ, Александръ Александровичъ Кнримъ (ум. 1904 г.), Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій (ум. 1884 г.) Въ засѣданіи 6 февраля 1884 г общество отдало должное его памяти, выразивъ въ торжественной резолюции свое уваженіе къ его общественнымъ заслугамъ и особенно въ его плодотворной дѣятельности, какъ при составленіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г, такъ равно и при осуществленіи новыхъ судебныхъ порядковъ. Въ засѣдании 21 февраля 1878 г почетнымъ членомъ избранъ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ (ум 1904 г), блестящій представитель науки государственнаго права въ московскомъ университетѣ шестидесятыхъ годовъ, впослѣдствіи принявшій живое участіе въ занятіяхъ общества по желѣзнодорожному законопроекту. Въ слѣдующемъ году, 5 марта 1879 года, избранъ первый почетный членъ изъ числа иностранныхъ ученыхъ, Рудольфъ фонъ Іерингъ (ум. 1893 г.). При этомъ была высказана та мысль, что, включая въ свою среду знаменитѣйшихъ иностранныхъ ученыхъ, общество, помимо справедливой дани уваженія къ заслугамъ ихъ предъ наукой, выражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ свою признательность за содѣйствіе, которое они оказываютъ за границей русскимъ ученымъ силамъ. Тогда же избранъ Александръ Вацлавъ Мацѣевскій (ум. 1883 г.), въ которомъ общество чтило славнаго историка славянскаго права Въ то же засѣданіе въ почетные члены былъ избранъ Александръ Ѳедоровичъ Кистяковскій. Не смотря на отдаленность своего постояннаго мѣста жительства отъ Москвы, А. Ѳ. вошелъ послѣ своего избранія въ тѣснѣйшее общеніе съ обществомъ, заботясь по преимуществу о поддержаніи въ немъ интереса къ изученію русскаго обычнаго права „Высоко почитая А. Ѳ. Кистяковскаго, какъ замѣчательнаго изслѣдователя въ области уголовнаго права, какъ собирателя и изслѣдователя русскаго обычнаго права, глу-

боко уважая его высокочестную личность и постоянную преданность всему свѣтлому, животворящему въ научной и практической дѣятельности", общество, подчиняясь роковой необходимости, выразило 14 января 1885 г свое глубокое прискорбіе по случаю рановременной утраты, которую въ лицѣ А. Ѳ. понесла русская наука. Въ А. Ѳ. „всегда поражали его высокія нравственныя качества. Всю жизнь онъ былъ вѣренъ своимъ идеаламъ, вѣренъ своему знамени, не мѣнялся съ перемѣной теченій и вѣяній" — Въ засѣданіи 18 февраля 1880 года, по предложенію состоявшей при обществѣ комиссіи по разработкѣ обычнаго права, въ почетные члены общества избранъ Евгеній Ивановичъ Якушкинъ (ум. 1905 г.), „принимавшій дѣятельное участіе въ работахъ комиссіи и оказавшій неоцѣненныя услуги въ области обычнаго права своими трудами".—Въ засѣданіи 23 февраля 1881 г. въ почетные члены избранъ Юлій Эдуардовичъ Янсонъ (ум. 1893 г.), „какъ одинъ изъ первыхъ по времени и наиболѣе добросовѣстныхъ изслѣдователей русскаго крестьянства".

Въ томъ же засѣданіи общество вернулось къ обычаю выражать почетнымъ избраніемъ свою благодарность лицамъ, оказавшимъ особыя заслуги собственно обществу, и включило въ списокъ почетныхъ членовъ Виктора Алексѣевича Легонина (ум. 1899 г.), бывшаго въ 1879—80 году товарищемъ предсѣдателя общества и за болѣзнью В. Н. Лешкова несшаго на себѣ всѣ тягости предсѣдательскихъ обязанностей. — Въ засѣданіи 22 февраля 1882 года послѣдовали избранія Николая Ивановича Стояновскаго (ум 1900 г.), „одного изъ дѣятельнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ участниковъ въ дѣлѣ составленія судебныхъ уставовъ 1864 г.", и Франческо Каррара (ум. 1888 г.), блестящаго представителя классической школы уголовнаго права въ Италіи славнаго профессора и адвоката. — Въ 1883 г. февраля 14 списокъ почетныхъ членовъ украсился именемъ Константина Дмитріевича Кавелина, „знаменитаго ученаго

юриста и достойнаго представителя европейской науки и гуманныхъ идей лучшихъ людей сороковыхъ годовъ". „До конца своей жизни К Д. донесъ нетронутыми идеалы своей молодости, всю свою жизнь, которая видѣла многія измѣненія общественныхъ теченій, оставался вѣренъ себѣ и до самой могилы сохранилъ свой свѣтлый взглядъ на жизнь и свою непоколебимую вѣру въ лучшія и благородныя качества человѣка". Какъ только что было получено извѣстіе о кончинѣ К Д Кавелина, общество собралось въ чрезвычайное засѣданіе 7 мая 1885 г., которое все было посвящено воспоминаніямъ о заслугахъ покойнаго, какъ „знаменитаго ученаго, въ теченіе четырехъ десятилѣтій неустанно и плодотворно работавшаго на пользу права, исторіи и философіи, высокодаровитаго публициста, всегда понимавшаго жизненныя потребности русскаго общества, и человѣка, донесшаго до насъ во всей чистотѣ лучшія преданія сороковыхъ годовъ". — Въ 1884 году, февраля 20, послѣдовало избраніе сэра Генри Мэна (ум. 1888), который „для молодого поколѣнія нашихъ историковъ юристовъ по-истинѣ можетъ быть названъ учителемъ; русская юридическая литература не можетъ указать ни на кого, имя котораго въ такой степени, какъ имя Мэна, сроднилось бы съ цѣлымъ направленіемъ новѣйшей юридической мысли — съ направленіемъ историко сравнительнымъ Англійскому ученому историки-юристы обязаны не только разъясненіемъ цѣлыхъ періодовъ въ исторіи правового развитія человѣчества, они получили отъ него вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшіе образцы тѣхъ методологическихъ пріемовъ, въ обращеніи къ которымъ современные историки-юристы ищутъ средствъ къ восполненію недостаточности прямыхъ свидѣтельствъ о древнѣйшемъ правѣ". Въ томъ же засѣданіи въ почетные члены избраны Цезарь Ломброзо (ум. 1909 г.), „знаменитый глава новоиталіанской позитивной школы уголовнаго права", который „окончательно перенесъ вопросъ о преступности изъ области кабинетныхъ теорій въ область наблюденія и опыта и приложилъ къ изученію преступ-

ника точные методы изслѣдованія Обоснованный на психологіи, психіатріи и антропологіи, вопросъ о преступности вышелъ изъ области произвольныхъ построеній и сталъ научной проблемой, разрѣшаемой при помощи точныхъ пріемовъ".—Въ 1885 году февраля 25 въ почетные члены избранъ Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ, состоявшій предсѣдателемъ общества съ 1880 года —Въ 1886 году марта 10 избраны Александръ Ивановичъ Чупровъ (ум. 1908 г.), „за заслуги предъ русскою экономическою наукою и юридическимъ обществомъ", въ которомъ онъ состоялъ предсѣдателемъ статистическаго отдѣленія со времени учрежденія этого послѣдняго; Сергѣй Ивановичъ Зарудный (ум. 1887 г.), „одинъ изъ главнѣйшихъ участниковъ судебной реформы, впослѣдствіи съ геройскимъ самоотверженіемъ отстаивавшій либеральныя основы судебной реформы отъ реакціоннаго напора мнимыхъ усовершенствованій", и Карлъ Эсмархъ (ум. 1887 г.), извѣстный романистъ, знакомый съ русскимъ языкомъ и русскою юридическою литературою и содѣйствовавшій ознакомленію западнаго ученаго міра съ работами русскихъ ученыхъ путемъ переводовъ и сообщеній на ученыхъ собраніяхъ (засѣданіе 21 января 1887 г.). При вступленіи своемъ въ двадцать пятый годъ своего существованія общество 23 февраля 1887 года включило въ списокъ своихъ почетныхъ членовъ Лоренца фонъ-Штейна (ум. 1891 г.), знаменитаго автора „ученія объ управленіи", „науки о финансахъ" и „исторіи соціальныхъ движеній во Франціи", замѣчательнаго профессора и извѣстнаго покровителя молодыхъ русскихъ и славянскихъ ученыхъ, отправляющихся за границу для довершенія образованія; Дмитрія Александровича Ровинскаго (ум. 1895 г.), одного изъ выдающихся дѣятелей судебной реформы, убѣжденнаго сторонника суда присяжныхъ въ Россіи; Максима Максимовича Ковалевскаго, самаго выдающагося, наиболѣе талантливаго и наиболѣе извѣстнаго своими учеными трудами представителя историко-сравнительнаго направленія юриспруденціи въ Россіи,

славнаго профессора государственнаго права и автора замѣчательныхъ произведеній по исторіи этого права. Наконецъ, вступая въ новое двадцатипятилѣтіе своего существованія, общество въ засѣданіи 7 марта 1888 года провозгласило своими почетными членами Алексѣя Степановича Павлова (ум. 1898 г.), какъ въ знакъ глубокаго уваженія къ заслугамъ его предъ русскою юридическою наукою, сказавшимся въ его трудахъ по каноническому праву и по исторіи русскаго права, такъ и въ ознаменованіе той связи съ университетомъ и въ частности съ его юридическимъ факультетомъ, которую общество всегда высоко цѣнило и которая оказывала благотворное вліяніе на дѣятельность общества; Александра Дмитріевича Градовскаго (ум. 1889 г.) и Василія Ивановича Сергѣевича, многолѣтняя и плодотворная дѣятельность которыхъ на поприщѣ русской юридической науки пользуется уже давно громкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью; Алексѣя Михайловича Унковскаго (ум. 1893 г.), одного изъ главныхъ дѣятелей крестьянской реформы, совмѣстно съ А. А. Головачовымъ выдвинувшаго и поставившаго на твердую почву вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею; Алексѣя Адріановича Головачова (ум. 1903 г.), выдающагося дѣятеля крестьянской реформы, талантливаго истолкователя и защитника въ литературѣ преобразованій прошлаго царствованія и здравыхъ началъ экономической науки; Виктора Антоновича Арцимовича (ум. 1892 г.), просвѣщеннаго губернатора временъ крестьянской реформы и перваго первоприсутствующаго уголовнаго кассаціоннаго департамента; Петра Петровича Семенова, выдающагося представителя русской статистической науки и практики и дѣятеля по освобожденію крестьянъ; Генриха Ферри, талантливаго и крупнаго представителя антропологической школы уголовнаго права въ Италіи.

Въ періодъ времени 1888—1899 гг. въ почетные члены общества были избраны: Эрнстъ Энгель (ум. 1896 г.), которому статистика обязана не только цѣнными научными трудами, но и прекрасной организаціей оффиціальной статистики, а также сближеніемъ между статистиками всѣхъ странъ на международныхъ конгрессахъ (засѣданіе 5 марта 1890 г.); Луиджи Бодіо, поставившій на уровень высокаго совершенства устройство и работы итальянскаго статистическаго бюро, одинъ изъ участниковъ въ основаніи Международнаго Статистическаго Института (засѣданіе 18 февраля 1891 г.); Анатолій Ѳеодоровичъ Кони, заслуженный судебный дѣятель, труды котораго имѣли важное общественное и научное значеніе (засѣданіе 24 февраля 1892 г.); Егоръ Павловичъ Старицкій (ум. 1899 г.), въ свое время выдающійся судебный дѣятель, вѣрный основнымъ началамъ преобразовательной эпохи (засѣданіе 18 февраля 1893 г.); Карроль Рантъ (†), извѣстный американскій статистикъ, положившій основаніе устройству бюро труда въ Америкѣ и пріобрѣвшій почетную извѣстность рядомъ цѣнныхъ статистическихъ изслѣдованій (засѣданіе 28 февраля 1894 г.); Родольфъ Дарестъ, заслуживший почетную извѣстность своими трудами по исторіи права и сравнительному правовѣдѣнію (засѣданіе 28 февраля 1894 г.); Іоганъ Конрадъ, избранный «въ знакъ признанія его заслугъ какъ ученаго, организатора и общественнаго дѣятеля самаго симпатичнаго направленія» (засѣданіе 20 февраля 1895 г.); Иванъ Егоровичъ Энгельманъ, выдающійся русскій цивилистъ (засѣданіе 3 марта 1897 г.), и Эмиль Левассеръ, извѣстный статистикъ, членъ института и профессоръ въ Парижѣ (засѣданіе 9 марта 1898 г.).

VII.

Уставы общества.

Первоначальный проектъ устава общества не сохранился. Въ дѣлѣ совѣта императорскаго московскаго университета 1864 г. № 260 хранится тотъ проектъ устава московскаго юридическаго общества, состоящій изъ 23 параграфовъ, который былъ представленъ въ 1863 году на утвержденіе. Въ томъ же дѣлѣ находится утвержденный 17 февраля 1865 года министромъ народнаго просвѣщенія Головнинымъ первый уставъ, состоя-

БИБЛИОТЕКА

ціи изъ 22 параграфовъ. Этотъ первый уставъ разнится отъ проекта только тѣмъ, что въ немъ опущенъ одинъ параграфъ, предоставлявшій обществу имѣть свою собственную печать.

„Засѣданіе 27 февраля 1866 года было посвящено чтенію и обсужденію всѣхъ §§ устава въ видахъ дополненія, измѣненія, пересмотра, при чемъ оказалось, что заявленія гг. членовъ касались весьма немногихъ §§, да и то со стороны частныхъ и мелкихъ подробностей, такъ что общество не нашло нужнымъ восходить къ правительству съ ходатайствомъ объ измѣненіяхъ въ уставѣ“ (отчетъ 1866—67 г.).

На годовомъ засѣданіи 17 февраля 1868 года возникло предположеніе пополнить уставъ постановленіями о почетныхъ членахъ. Пересмотръ устава тянулся три года. Въ протоколѣ годичнаго засѣданія 17 февраля 1871 года записано, что „секретарь общества представилъ свой докладъ по проекту измѣненія устава общества“. „Общество постановило. проектъ измѣненнаго устава, дополнивъ и исправивъ по замѣчаніямъ ученаго комитета, представить на утвержденіе по принадлежности“. Новый уставъ былъ утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія 16 октября 1871 года, полученъ обществомъ 1 ноября того же года и напечатанъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ 1872 г., № 1. Онъ состоитъ также изъ 22 параграфовъ.

Этотъ уставъ сохранилъ свое дѣйствіе въ послѣдующіе годы, но съ теченіемъ времени въ него внесены два измѣненія. На годичномъ засѣданіи 22 февраля 1882 года общество постановило пополнить его пятью новыми параграфами (§§ 23—27) объ устройствѣ при обществѣ статистическаго отдѣленія, каковое дополненіе утверждено министромъ народнаго просвѣщенія 21 августа 1882 года. Потомъ, на годичномъ засѣданіи 14 февраля 1883 г., послѣдовало измѣненіе §§ 7, 8 и 10, говорящихъ о должностныхъ лицахъ общества, что было утверждено министромъ народнаго просвѣщенія 20 октября 1883 г.

При сличеніи первоначальнаго проекта и устава съ послѣдующими его редакціями обнаруживается слѣдующее:

1) Какъ въ проектѣ, такъ и въ обоихъ уставахъ, цѣль общества (§ 1) опредѣляется тождественными выраженіями: „Цѣль общества — теоретическая и практическая разработка права и распространеніе юридическихъ свѣдѣній". Точно также и § 2, гласящій, что свою цѣль общество предполагаетъ достигать „обсужденіемъ на своихъ засѣданіяхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ права", „изданіемъ своихъ записокъ" и „полезныхъ юридическихъ сочиненій", по существу своему, остался безъ измѣненія и въ новомъ уставѣ.

2) Какъ по проекту, такъ и по уставу 1865 г., общество состоитъ изъ дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-соревнователей и членовъ-корреспондентовъ, права и обязанности которыхъ опредѣляются одинаково съ уставомъ 1871 года. — Уставомъ 1871 г. установлено сверхъ того званіе почетнаго члена общества. Относительно дѣйствительныхъ членовъ Д. П. Суходольскій на годовомъ засѣданіи 25 февраля 1874 г. предлагалъ разъяснить уставъ въ томъ смыслѣ, что всякій, желающій поступить въ дѣйствительные члены общества, обязанъ предварительно посѣщать засѣданія общества, принимать участіе въ обсужденіи юридическихъ вопросовъ или представить рефератъ или же принять участіе своими трудами въ журналѣ общества, но обществомъ это предложеніе въ засѣданіи 4 марта 1874 г. отвергнуто.

3) По проекту и по уставу общество имѣло предсѣдателя, секретаря и казначея съ кандидатами на каждую изъ этихъ должностей. Уставомъ 1871 г. кандидатъ предсѣдателя замѣненъ товарищемъ предсѣдателя, а съ 1883 года общество имѣетъ предсѣдателя, двухъ товарищей его, секретаря, двухъ товарищей его, казначея, кандидата его и библіотекаря.

4) Какъ по проекту, такъ и по обоимъ уставамъ 1865 и 1871 гг., предсѣдатель и секретарь общества лишь въ случаѣ своего отсутствія замѣщаются своимъ кандидатомъ или товарищемъ. Съ 1883 г., „присутствуя въ засѣданіи, предсѣдатель и секретарь передаютъ свою должность одному изъ своихъ

товарищей, когда обсуждаемый вопросъ касается лично предсѣдателя или секретаря, или когда они выступаютъ съ рефератомъ, или когда товарищъ, по характеру своей спеціальности, ближе знакомъ съ предметомъ обсуждаемаго реферата".

5) Какъ въ проектѣ, такъ и въ уставѣ 1875 г. постановлено, что при избраніи предсѣдателя и его кандидата должно находиться не менѣе $^2/_3$, для избранія секретаря, казначея и ихъ кандидатовъ не менѣе $^1/_2$ всѣхъ членовъ общества (за исключеніемъ временно изъ Москвы отсутствующихъ). Это постановленіе опущено въ уставѣ 1871 года.

6) Ежегодный обязательный взносъ дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-соревнователей былъ опредѣленъ и проектомъ, и обоими уставами въ 15 рублей. Но въ годовомъ засѣданіи 19 февраля 1873 г. предсѣдатель общества вошелъ съ предложеніемъ объ уменьшеніи взноса дѣйствительныхъ членовъ до 10 р., съ присвоеніемъ этому постановленію обратной силы. Общество приняло предложеніе, что̀ и было утверждено министромъ народнаго просвѣщенія.

7) Въ проектѣ и въ уставѣ 1865 г было постановлено, что лица, не внесшія денежной платы въ теченіе полугодія, считаются выбывшими изъ общества. Въ уставѣ 1871 г. полугодичный срокъ замѣненъ двухлѣтнимъ.

8) Въ проектѣ предполагалось, что общество имѣетъ свою печать съ изображеніемъ герба Московской губерніи и съ надписью: „Печать Московскаго Юридическаго Общества". Исключивъ этотъ § изъ устава, при его утвержденіи, министръ народнаго просвѣщенія предоставилъ обществу право употреблять въ нужныхъ случаяхъ печать московскаго университета.

VIII.

Дѣйствительные члены общества.

Въ началѣ 1866 г. общество имѣло уже 117 дѣйствительныхъ членовъ. — Далѣе имѣются слѣдующія свѣдѣнія о числѣ избранныхъ въ каждомъ году:

1866—67	17
1867—68	18
1868—69	свѣдѣній нѣтъ
1869—70	тоже
1870—71	7
1871—72	41
1872—73	26
1873—74	17
1874—75	15
1875—76	25
1876—77	свѣдѣній нѣтъ.
1877—78	12
1878—79	51
1879—80	50
1880—81	58
1881—82	64
1882—83	40
1883—84	47
1884—85	35
1885—86	20
1886—87	20
1887—88	22

Такимъ образомъ слѣдуетъ считать, что за время существованія общества до 1888 года не менѣе 700 лицъ были избраны въ число его дѣйствительныхъ членовъ. Къ концу своего XXV-лѣтія общество состояло однако лишь изъ 298 дѣйствительныхъ членовъ. Уменьшеніе числа дѣйствительныхъ членовъ происходило отчасти вслѣдствіе избранія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ почетные, отчасти вслѣдствіе смерти, болѣе же

всего — вслѣдствіе выбытія по неплатежу членскаго взноса. Повидимому, до 1870 г. въ обществѣ не поднимался вопросъ о примѣненіи § 11 устава 1865 года, по которому членъ общества, не сдѣлавшій своего взноса въ теченіе полугодія, считается выбывшимъ. Въ отчетѣ секретаря за 1869—70 г. читаемъ: „для опредѣленія въ настоящее время числа дѣйствительныхъ членовъ общества у меня нѣтъ надлежащихъ данныхъ; кромѣ того не приведено еще въ извѣстность, какихъ именно лицъ, согласно § 11 устава, слѣдуетъ считать выбывшими изъ общества". Въ протоколѣ годового засѣданія 17 февраля 1871 г. записано, что общество, выслушавъ списокъ членовъ, не внесшихъ въ положенный срокъ денежныхъ взносовъ, постановило вопросъ объ этомъ отложить впредь до утвержденія новаго устава Но до 1881 года это дѣло оставалось безъ должнаго регулированія; съ этого же года установился обычай, что бюро общества изготовляетъ къ годовому засѣданію исправленный списокъ членовъ, который докладывается обществу и утверждается имъ съ тою оговоркою, что лица, вычеркнутыя за неуплату своего взноса, сохраняютъ право войти въ составъ общества безъ новой баллотировки, если пополнятъ всю числящуюся на нихъ недоимку.

— — —

· Въ послѣдующіе годы (1888—1899) избраны въ дѣйствительные члены общества·

1888—89	23
1889—90	15
1890—91	22
1891—92	18
1892—93	28
1893—94	42
1894—95	13
1895—96	31
1896—97	28
1897—98	29
1898—99	15

Итого 264 лица. Такимъ образомъ за все время существованія общества (1863—1899) избраны въ дѣйствительные члены до тысячи лицъ. Въ годъ закрытія общество считало въ своемъ составѣ дѣйствительныхъ членовъ—315 и членовъ-корреспондентовъ—36.

IX.

Должностныя лица общества.

* *Свѣдѣнія дополнены по 1899 годъ.*

Предсѣдатели общества: С. И. Баршевъ (1863 г.); В. Н. Лешковъ (1863—1868 и 1869—1880); Н. В. Калачовъ (1868—1869); С. А. Муромцевъ (1880—1899).

Кандидаты и товарищи предсѣдателя: И. Д. Бѣляевъ (1863—1866); Н. В. Калачовъ (1866—1868); А. И. Вицынъ (1868—1870); Э. Н. Сумбуль (1870—1871); Я. И Любимцевъ (1871 — 1872); И. М. Остроглазовъ (1872 — 1879); В. А. Легонинъ (1879 — 1880); К. Д. Анциферовъ (1880—1882); В. А. Гольцевъ (съ 6 октября 1882 по 14 февр. 1883 и вновь съ 1884 по 1892); В. М. Пржевальскій (1883—1890); Ю. С. Гамбаровъ (1890—1891); гр. Л. А. Камаровскій (1891—1899); Н. А. Зачинскій (1892 — 1893); Г. Л Вербловскій (1893—1899).

Секретари общества: Э. Н. Сумбулъ (1863—1867); И А. Еропкинъ (1867 — 1869); А. М. Фальковскій (1869—1876); П. Л. Карасевичъ (1876 — 1878); К Д. Анциферовъ (1878—1879); В. А. Гольцевъ (1879—1880); Г. А. Джаншіевъ (1880—1884); Д. А. Дриль (1884—1886); Г. Б. Іоллосъ (1886—1888); Н. А. Морозовъ (1888—1889); А. Н. Филипповъ (1889—1890); Н. И. Ржондковскій (1890—1894); М. Н. Соболевъ (1894—1896); В В. Пржевальскій (1896—1899).

Кандидаты, помощники и товарищи секретаря: М. И. Доброхотовъ (1863—1867); А. М. Фальковскій (1867—1869 и 1877—1878); К. П. Палибинъ (1869—1872);

В И Кохновъ (1872—1876); М П Соловьевъ (1876—1877), Г. А. Джаншиевъ (1878—1880), А. К. Вульфертъ (1880—1881); И. А. Баженовъ (1881—1883), Н А Морозовъ (1883—1888), В. Ѳ. Дерюжинскій (1884—1885); С И. Викторскій (1885—1887), Л В. Малининъ (1887—1890); А И Аммонъ (1888—1890); А В. Шиловъ (1890—1891); П В. Марковъ (1890—1892), А. Н. Марковъ (1892—1894); М. Н. Соболевъ (1893—1894); В. В. Пржевальскій (1894—1896); П. М. Богаевскій (1894—1895); Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ (1895—1899); В. Н. Вольтманъ (1896—1898), И. И Чистяковъ (1898—1899)

Казначеи общества: Е П Пациентовъ (1864—1870); М А. Шиллингъ (1870 — 1891); В. В Сиротининъ (1891—1899)

Библіотекарь общества (сначала кандидатъ казначея). В М. Бостанджогло (1864 — 1869), Я. И. Любимцевъ (1869—1871), Г Г. Костаревъ (1871 — 1872); А. Ф. Марконетъ (1872—1879); Н. А Звѣревъ (1879—1881); А Н. Филипповъ (1881 — 1884); Н. А Вокачъ (1884 — 1886); А Ѳ. Акуловъ (1886—1895); А. Э Вормсъ (1895—1899).

Должностныя лица статистическаго отдѣленія

Предсѣдатель. А. И. Чупровъ (1882 — 1899). Товарищи предсѣдателя: М. А. Саблинъ (1882—1888); Н А. Каблуковъ (1888 — 1899) Секретари: Н. А. Каблуковъ (1882—1886); И. П. Боголѣповъ (1886—1887), А. Ѳ. Фортунатовъ (1887—1888); С. М. Блекловъ (1888—1891); Н. М Астыревъ (1891—1893); В. А. Косинскій (1893—1896); С. Н. Булгаковъ (1896—1897); В. Э. Денъ (1897 — 1899). Товарищи секретаря: И. А. Вернеръ (1882); И П Боголѣповъ (1882 — 1886), Н. М. Астыревъ (1886 — 1888); А. Н Миклашевскій (1888—1891); В. А. Косинскій (1891 — 1893); Л. Н Маресъ (1893—1896); С. Ф Рудневъ (1896—1899)

Порядокъ избранія должностныхъ лицъ былъ установленъ

окончательно на годовомъ собраніи общества 5 марта 1879 г. Тогда было постановлено: сначала баллотировать записками и если никто не получитъ по запискамъ абсолютнаго большинства голосовъ, то предложенныхъ кандидатовъ баллотировать шарами.

X.

Засѣданія общества

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ общества сохранились: 1) въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", гдѣ обыкновенно печатались объявленія о засѣданіяхъ, и 2) въ „Протоколахъ общества", которые въ извлеченіи или цѣликомъ печатались въ „Юридической Газетѣ" и „Юридическомъ Вѣстникѣ" Съ 1879 года было принято за правило печатать протоколы общества въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" безъ сокращеній и, по возможности, не раздробляя протоколовъ одного года по нѣсколькимъ книжкамъ.

* По прекращеніи изданія «Юридическаго Вѣстника» протоколы печатались въ «Вѣстникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній» Протоколы за 1889—90 годъ утрачены, за 1897—98 и 1898—99 остались ненапечатанными.

XI.

Касса общества.

Единственный правильный источникъ доходовъ общества составляли членскіе взносы. О количествѣ ихъ поступленія въ кассу общества сохранились слѣдующія свѣдѣнія:

1865	Руб.. 1479	1873	Руб.: 547	1881	Руб.: 1717
1866	1143	1874	679	1882	1960
1867	853	1875	405	1883	2790
1868	437	1876		1884	2310
1869		1877	883	1885	2490
1870	571	1878	1240	1886	2140
1871	768	1879	1410	1887	1970
1872	494	1880	1860		

Въ 1866 году, августа 10 Ст. Ал. Масловымъ обществу пожертвованъ въ неприкосновенный капиталъ билетъ второго внутренняго съ выигрышами займа № $\frac{8153}{42}$ Въ томъ же году изъ остаточной суммы кассы общества куплены за 1094 р десять билетовъ второго внутренняго съ выигрышами займа Такимъ образомъ составился капиталъ общества изъ одиннадцати билетовъ названнаго займа, до сихъ поръ оставшійся неприкосновеннымъ.

Въ 1867 году февраля 22 отъ В. А Дашкова поступило въ кассу общества пожертвованіе сто рублей деньгами, которые поступили въ общій расходный фондъ

Послѣдующія свѣдѣнія о суммахъ, поступившихъ въ членскіе взносы, таковы:

1888	Руб: 2320	1894	Руб· 1140
1889	2020	1895	1610
1890	850	1896	1690
1891	2130	1897	1470
1892	1240	1898	1360
1893	1650		

XII.

Изданія общества.

Въ послѣднія засѣданія 1865—66 г. была высказана въ обществѣ мысль о необходимости изданія трудовъ общества, какъ въ видахъ сохраненія протоколовъ его засѣданій, такъ особенно въ видахъ внесенія теоретическаго элемента въ жизнь общества. Мысль о журналѣ была первоначально отвергнута Журналъ, говорили, имѣетъ свое опредѣленное направленіе и главную задачу — установить, утвердить, распространить свое направленіе. „Московское юридическое общество съ самаго начала своей дѣятельности иначе выразило свое назначеніе, считая себя призваннымъ не къ тому, чтобы учить, наставлять и направлять, а къ тому, чтобы служить такъ или иначе къ

уясненію юридическихъ понятій и къ ихъ распространенію. Для этого всего удобнѣе оказывается изданіе газеты, которая должна представлять собою расширеніе засѣданій, преній и сужденій общества на всю область своихъ читателей, съ представленіемъ каждому изъ нихъ права и возможности, посредствомъ газеты общества, принять участіе въ разработкѣ того или другого изъ интересующихъ его вопросовъ". Такимъ образомъ возникла „Юридическая Газета", которая выходила въ теченіе одного года, съ 1 іюля 1866 года по 15 іюня 1867 года, по два раза въ мѣсяцъ (24 №№), въ объемѣ до двухъ печатныхъ листовъ въ каждомъ номерѣ. Подписная цѣна въ годъ безъ доставки была опредѣлена въ 1 р. 50 к, съ доставкою—2 р. Газета печаталась въ количествѣ 1.200 экземпляровъ, имѣла 1084 подписчика, изъ которыхъ 280 годовыхъ и 804 полугодовыхъ. За изданіе было выручено 1212 руб., израсходовано 1200 руб. Редакторомъ газеты состоялъ В. Н. Лешковъ; ближайшимъ и весьма дѣятельнымъ сотрудникомъ—С. С. Шайкевичъ. Что касается до недостатковъ изданія, читаемъ въ отчетѣ за 1866—67, то они открылись съ первыхъ дней. Двухнедѣльный срокъ выхода оказался слишкомъ великъ для хроники, малый объемъ газеты препятствовалъ помѣщенію въ ней статей, требующихъ обстоятельнаго изложенія. Поэтому общество положило съ іюля 1867 издавать журналъ „Юридическій Вѣстникъ" ежемѣсячными книжками и сообщить этому журналу характеръ и направленіе ученаго изданія. Подписная цѣна журналу была объявлена 5 руб. въ годъ безъ доставки и 6 рублей съ доставкою. Съ 1880 эта цѣна возвышена до 7 рублей безъ доставки и 8 рублей съ доставкою (засѣд. 29 января 1879 г.).

„Юридическій Вѣстникъ" выходилъ въ свѣтъ въ теченіе перваго года своего изданія съ іюля по іюль (1867—68). Потомъ сталъ выходить съ января по январь; 1869 годъ былъ вторымъ годомъ его изданія. Въ 1870 году журналъ не выходилъ вовсе, въ 1871 году было выпущено только девять книгъ

(съ апрѣля по декабрь), но начиная съ 1872 года, который былъ четвертымъ годомъ изданія, сталъ выходить не прерываясь 1888 годъ—двадцатый годъ изданія журнала.

Редакторами журнала состояли: Н. В. Калачовъ (1867—1869), С С. Шайкевичъ (1867—1869), В. Н. Лешковъ (1871—1880); А. М. Фальковскій (1871—1878); М М. Ковалевскій (1878—1880); С. А. Муромцевъ (1879—1892); В. А. Гольцевъ (1880—1883), В. М Пржевальскій (1882—1892).

---

* Въ октябрѣ 1892 года состоялось распоряженіе о подчиненіи «Юридическаго Вѣстника» предварительной цензурѣ. Общество, въ засѣданіи 16 ноября 1892, постановило о прекращеніи изданія журнала по выходѣ въ свѣтъ декабрьской книги его за 1892 годъ.

Въ годовомъ засѣданіи 18 февраля 1893 года общество, «озабочиваясь печатаніемъ своихъ протоколовъ и другихъ работъ и признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно призвано содѣйствовать печатанію работъ своихъ членовъ», положило издавать, начиная съ 1893 года, сборникъ, подъ заглавіемъ: «Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній» Сборникъ выходилъ отдѣльными томами Всего вышло восемь томовъ: I (1893), II (1893), III (1894), IV (1895), V (1895), VI (1896), VII (1897), VIII (1898).

Въ 1896 году выпущенъ въ свѣтъ «Указатель къ журналу Юридическій Вѣстникъ» за двадцать четыре года его изданія (1867—1892).

XIII

Къ закрытію московскаго юридическаго общества.

1-го марта 1899 года состоялось послѣднее годовое собраніе, заключившее собою тридцать шестой годъ существованія общества. Въ маѣ того же года общество, по приглашенію общества любителей россійской словесности и по предложенію совѣта московскаго университета, приняло участіе въ празднованіи столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина. Предсѣдатель общества прочелъ въ торжественномъ собраніи 26 мая составленное на этотъ случай привѣтствіе (см. въ настоящемъ изданіи, вып I, стр. 27) Чрезъ пол-

тора мѣсяца послѣ того попечитель московскаго учебнаго округа увѣдомилъ, что министръ народнаго просвѣщенія призналъ необходимымъ закрыть общество.

Бюро закрытаго общества распорядилось ликвидаціей счетовъ общества По уплатѣ имѣвшихся долговъ остатокъ капитала общества, его денежные документы и библіотека переданы въ московскій университетъ для храненія.

Предсѣдатель общества и одинъ изъ его дѣйствительныхъ членовъ—П. Н Обнинскій принесли въ правительствующій сенатъ, по первому департаменту, жалобы на министра народнаго просвѣщенія по поводу распоряженія о закрытіи общества. Въ ноябрѣ 1905 года послѣдовало объявленіе указа правительствующаго сената отъ 5 сентября 1905 года, изъ котораго усматривалось, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго м. н. п. въ 10-й день іюля 1904 г. Высочайше соизволилъ утвердить сдѣланное въ 1899 году бывшимъ министромъ Боголѣповымъ распоряженіе о закрытіи юридическаго общества при московскомъ университетѣ, почему сенатъ опредѣлилъ принесенныя на то распоряженіе жалобы оставить безъ разсмотрѣнія.

Памяти закрытаго общества.

РѢЧЬ,

произнесенная на торжественномъ собраніи вновь учрежденнаго юридическаго общества 11 апрѣля 1910 года въ отвѣтъ на провозглашенное избраніе почетнымъ членомъ; «Русскія Вѣдомости», 13 апрѣля 1910 г., № 84, «Рѣчь», 14 апрѣля 1910 г., № 102. «Вѣстникъ права и нотаріата» 1910 г., №№ 16—17.

Г. предсѣдатель, гг сочлены! Я направлялся сегодня сюда съ мыслью принести вамъ въ этотъ торжественный день свое личное привѣтствіе съ настоящимъ благимъ начинаніемъ. Но ваше рѣшеніе, только что провозглашенное, даетъ мнѣ справедливое основаніе придать привѣтствію общій характеръ. Три положенія руководили дѣятельностью стараго юридическаго общества. Прежде всего оно тщилось собрать въ себѣ и вокругъ себя разбросанныя по всему пространству россійской земли юридическія силы, соединить вмѣстѣ отдѣльныя проявленія русской юридической мысли, служить ей видимымъ центромъ и посильнымъ органомъ. Другое руководящее положеніе состояло въ томъ, что среди условій жизни, питавшихъ критическое вплоть до отрицательнаго направленіе общественной мысли, юридическое общество сосредоточило свои усилія преимущественно на процессѣ правового творчества. Это направленіе характеризовало всю дѣятельность общества, оно характеризовало въ особенности труды его статистическаго отдѣленія, заслуги котораго предъ страною столь неоцѣненны. Наконецъ третье положеніе состояло въ томъ, что свой идеалъ

юридическое общество искало всегда впереди себя на извѣстномъ удаленіи, переступая границы современной исторической дѣйствительности, хотя бы взятой въ ея наличныхъ преобразовательныхъ проявленіяхъ. Такое свойство идеала и сообщало обществу ту внутреннюю устойчивость и ту увѣренность, съ какими оно работало. Общество знало, что историческія судьбы идей права и свободы въ Россіи, какъ и повсюду, напоминаютъ теченіе тѣхъ загадочныхъ рѣкъ, которыя, получая начало въ кристально-чистыхъ горныхъ источникахъ и пробиваясь на своемъ пути чрезъ узкія ущелья, скрываются въ извѣстные моменты гдѣ-то подъ почвою; чрезъ нѣкоторое время онѣ выходятъ вновь на поверхность, опять и, можетъ быть, не разъ снова исчезаютъ, но въ концѣ концовъ такія рѣки разливаются широко по долинѣ, завершая по ней свое побѣдоносное движеніе Таковы и судьбы идей права и свободы Новое наше общество займетъ свое мѣсто въ этомъ историческомъ теченіи. Опираясь на прежніе, другими проложенные пути, оно пересмотритъ ихъ, создастъ и свой идеалъ и свой методъ его осуществленія, и мы, господа, да не усомнимся въ успѣхѣ этого нынѣ возникающаго дѣла .. А въ заключеніе, возвращаясь на личную почву, я выражаю вамъ, господа, свою глубокую, сердечную признательность за почетъ, выше котораго я ничего-бы не могъ и мыслить въ связи со своей прошлой дѣятельностью въ юридическомъ обществѣ...

Проектъ желѣзнодорожнаго закона.

«Проекты желѣзнодорожнаго законодательства, составленные и обсужденные въ московскомъ юридическомъ обществѣ въ 1879 – 80 году», М 1882 г.

5 марта 1879 г при московскомъ юридическомъ обществѣ учреждена особая комиссія для систематическихъ занятій по гражданскому и уголовному законодательству. Въ первоначальный составъ комиссіи вошли: М. В. Духовской, В. Я Фуксъ, Н. І. Нерсесовъ, С. А. Муромцевъ, В. А. Гольцевъ, Н. А Звѣревъ, Н. П Боголѣповъ, А Ф. Акуловъ, П А. Писемскій, К. Д. Анциферовъ, Д А. Дриль, А. М. Пальховскій, И. А. Баженовъ, Г. А. Джаншіевъ. Предсѣдателемъ комиссіи состоялъ С. А. Муромцевъ. Въ засѣданіи комиссіи 14 апрѣля того же года возникло предположеніе о разработкѣ вопросовъ желѣзнодорожнаго права. Это предположеніе совпало съ приглашеніемъ предсѣдателя Высочайше учрежденной комиссіи по желѣзнодорожному дѣлу, графа Баранова, адресованнымъ на имя предсѣдателя московскаго юридическаго общества. Графъ Барановъ приглашалъ общество къ разрѣшенію юридическихъ вопросовъ, касающихся желѣзнодорожныхъ отношеній. Общество передало приглашеніе на обсужденіе въ свою комиссію. Впродолженіе 1879 и слѣд. гг эта послѣдняя обсуждала вопросы о желательныхъ постановленіяхъ желѣзнодорожнаго законодательства и проекты о томъ представила на разсмотрѣніе общества. Ниже перепечатываются докладъ комиссіи и одинъ изъ ея законопроектовъ. Эти акты составляютъ

плодъ совмѣстной работы комиссіи, совершенной при непосредственномъ участіи предсѣдателя комиссіи, который по данному законопроекту состоялъ въ то же время и докладчикомъ.

I

Докладъ комиссіи.

Въ настоящее время (1879 г.) вопросы желѣзнодорожнаго законодательства успѣли уже выясниться въ такой степени, что не существуетъ никакой надобности распространяться какъ вообще о необходимости реформы, такъ и объ основныхъ началахъ ея. До очевидности ясно ненормальное состояніе отношеній желѣзныхъ дорогъ къ публикѣ, — состояніе, которое обусловлено, вопервыхъ, тѣмъ фактомъ, что желѣзныя дороги, будучи по существу своему предпріятіемъ публичнымъ, составляютъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, достояніе частныхъ лицъ и компаній; вовторыхъ, — тѣмъ обстоятельствомъ, что желѣзнымъ дорогамъ принадлежитъ монопольное положеніе и что для частныхъ лицъ весьма труденъ доступъ къ ознакомленію ихъ съ внутренними порядками дороги. Не менѣе ясно, что исцѣленіе отъ зла должно искать въ нѣкоторомъ отступленіи отъ юридическихъ началъ, которыя возникли въ средѣ отношеній частныхъ лицъ и вовсе не расчитаны на регулированіе отношеній крупныхъ предпріятій, каковы желѣзныя дороги. Свобода договора и принципъ равенства гражданско-процессуальнаго положенія тяжущихся сторонъ должны быть ограничены, когда рѣчь заходитъ о крупныхъ предпріятіяхъ съ общественнымъ характеромъ и монопольнымъ положеніемъ Такія ограниченія вовсе не составляютъ чего-либо исключительнаго. Въ меньшемъ размѣрѣ они примѣняются издавна въ средѣ отношеній частныхъ лицъ, когда вообще требуется поддержать слабую сторону противъ сильнѣйшей. Напримѣръ, при обыкновенномъ частномъ залогѣ издавна за-

прещается договоръ, по которому заложенная вещь поступаетъ въ собственность залогодержателя безъ публичной продажи (lex commissoria). Въ бо́льшемъ размѣрѣ подобныя ограниченія связаны со всѣми общественными предпріятіями. Достаточно припомнить современное фабричное законодательство. Потребность передвиженія, которой служатъ дороги, отличается по преимуществу общественнымъ характеромъ. Веденіе дорожнаго дѣла прежде всего принадлежитъ государственной власти. Уступая его въ частныя руки, она должна обставить дѣятельность частныхъ предпринимателей условіями, которыя наиболѣе способны охранять общественные интересы. Поэтому наука оправдываетъ особенные принципы, сюда принадлежащіе Кто, въ борьбѣ съ ними, ищетъ точку опоры въ юридической наукѣ, тотъ или ошибается жестоко, поклоняясь устарѣвшей доктринѣ (которая притомъ всегда отличалась односторонностью), или же поступаетъ пристрастно, увлекаясь какими-либо личными интересами.

Ясно опредѣлившееся стремленіе современнаго правовѣдѣнія и законодательства состоитъ въ томъ, чтобы путемъ разумнаго вмѣшательства государственной и общественной власти въ кругъ частныхъ отношеній сообщить ихъ развитію наиболѣе справедливое направленіе. Одностороннее развитіе свободы частныхъ отношеній перестало служить цѣлью въ экономической сферѣ; то же должно совершиться и совершается въ области юридической. Истинная справедливость состоитъ въ томъ, чтобы трактовать неравныя вещи неравно. Положеніе, которое желѣзныя дороги занимаютъ относительно частныхъ лицъ, не равно положенію самихъ частныхъ лицъ по отношенію къ себѣ подобнымъ. Потому нельзя переносить принципы частнаго оборота въ область желѣзнодорожнаго законодательства.

И зло и характеръ средствъ къ его устраненію уже давно сознаны. Остается опредѣлить эти средства въ подробностяхъ и передать ихъ въ той конкретной формѣ, которая открыла бы имъ возможность непосредственнаго примѣненія въ жизни.

Надо формулировать нормы новаго желѣзнодорожнаго права. Задача трудная, если принять во вниманіе всю ея сложность и относительную новизну на русской почвѣ Однако ея разрѣшеніе значительно облегчается судебною практикою и законодательствомъ Запада. Въ ряду законодательныхъ образцовъ занимаетъ первое мѣсто извѣстный швейцарскій законъ 1875 г. Полезныя указанія можно найти также въ извѣстномъ „Проектѣ международной конвенціи о перевозкѣ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ“ и въ преніяхъ составлявшей этотъ проектъ международной Бернской конференціи Со стороны отправленія гражданскаго правосудія поучительна практика судовъ Англіи и Франціи, — двухъ странъ, которыя, несмотря на относительную самобытность ихъ юридическаго развитія, успѣли лучше Германіи воспроизвести въ своихъ судахъ выраженіе великаго духа древне-римской юриспруденціи.

Комиссія юридическаго общества полагала, что она лучше всего выполнитъ свою задачу, если попытается въ формѣ законопроектовъ изложить, въ чемъ именно должно заключаться законодательство, столь важное и столь нетерпѣливо ожидаемое.

Два соображенія руководили этою работою.

Въ матеріальномъ отношеніи она проникнута тою мыслью, что дѣло требуетъ рѣшительнаго образа дѣйствій. Все хорошее должно быть внесено въ законъ, какъ бы чуждо оно ни казалось при сопоставленіи съ положеніями дѣйствующаго права и судопроизводства. Было бы заблужденіемъ усмотрѣть въ этомъ ненужный и излишній радикализмъ. Если уже сознаютъ необходимость исправленія годами накопившагося зла, если не жалѣютъ ни времени, ни усилій, ни средствъ на его изслѣдованіе, то существенно необходимо, чтобы результаты такого труда оказались достойными своего происхожденія. Принимать полумѣры тамъ, гдѣ требуется энергическій образъ дѣйствій, значило бы оставлять существенную потребность по прежнему неудовлетворенною. Въ указаніи пути, котораго

должно держаться будущее желѣзнодорожное законодательство, сходятся повидимому всѣ направленія нашей прессы и нашего общества, безъ различія оттѣнковъ; и это единодушіе само по себѣ свидѣтельствуетъ о важности избранныхъ началъ.

Въ формальномъ отношеніи проекты комиссіи преслѣдуютъ наиболѣе краткій способъ выраженія, избѣгая казуистичности постановленій и предоставляя наиболѣе простора для свободной дѣятельности суда.

II.

Проектъ закона о вознагражденіи за вредъ, причиненный неисправностями желѣзнодорожныхъ предпріятій.

Постановленія о вознагражденіи за вредъ, причиненный неисправностями желѣзнодорожныхъ предпріятій, построены, въ частности, на тѣхъ же началахъ, какъ и все желѣзнодорожное законодательство.

Желѣзнодорожное предпріятіе—предпріятіе общественное. Въ отношеніяхъ къ публикѣ оно должно дать мѣсто всѣмъ удобствамъ, которыми, при нормальномъ ходѣ вещей, частныя лица пользуются въ своихъ отношеніяхъ къ государственнымъ учрежденіямъ.

Желѣзнодорожное предпріятіе—предпріятіе сложное, внутреннія распорядки его недоступны частному лицу, которое обращается къ нему за услугами Потерпѣвъ вредъ отъ неисправности желѣзной дороги, частное лицо не въ состояніи разслѣдовать, *отъ кого* и *отчего* оно пострадало Надо дать ему возможность получить справедливое вознагражденіе, не заставляя его прибѣгать къ такому разслѣдованію.

Желѣзнодорожное предпріятіе—предпріятіе монопольное. Волею или неволею частное лицо, нуждаясь въ его услугахъ, подчинится всякимъ условіямъ, если ихъ опредѣленіе будетъ предоставлено его «свободному соглашенію» съ желѣзною дорогою. Надо установить такія обязанности желѣзнодорожныхъ предпріятій предъ публикою и такія полномочія суда, которыя закрыли бы всякій путь къ стѣсненію публики своеволіемъ желѣзныхъ дорогъ.

Отступая отъ обыкновенныхъ общихъ предписаній права и

процесса, надо облегчить юридическое положеніе частныхъ лицъ согласно съ вышеизложенными основаніями и цѣлями.

Въ представленномъ проектѣ сначала (ст. 1—22) излагаются постановленія общія для всѣхъ случаевъ, когда отыскивается вознагражденіе за вредъ, причиненный неисправностями желѣзнодорожныхъ предпріятій.

Потомъ (ст 23 и слѣд.) идутъ постановленія, предназначенныя только для нѣкоторыхъ случаевъ особенной важности.

Въ первомъ отдѣлѣ (ст. 1—22), въ свою очередь, должно различить слѣдующія составныя части:

сначала опредѣляются особенности юридическаго положенія отвѣтственныхъ лицъ, т.-е. опредѣляется, кто и при какихъ обстоятельствахъ несетъ отвѣтственность (ст. 1—5);

потомъ—особенности юридическаго положенія лицъ, отыскивающихъ вознагражденіе за понесенный ими вредъ, т.-е опредѣляется, кто и при какихъ обстоятельствахъ имѣетъ право на вознагражденіе (ст. 6—8);

далѣе—особенности дѣятельности суда въ спорахъ, сюда принадлежащихъ, т -е. обозначается самый способъ судебнаго опредѣленія отвѣтственности и вычисленія вознагражденія (ст. 9—19);

за симъ слѣдуютъ постановленія о давности (ст. 20 и 21),

наконецъ опредѣляется общій юридическій характеръ всего закона (ст. 22)

Ст. 1. Гражданская отвѣтственность за всякій имущественный или иной вредъ, происшедшій вслѣдствіе какихъ бы то ни было неисправностей въ веденіи желѣзнодорожнаго предпріятія, падаетъ непосредственно на владѣльца этого предпріятія.

Наше законодательство уже давно признало принципъ гражданской отвѣтственности владѣльца за *несчастныя* происшествія на желѣзныхъ дорогахъ. Въ этомъ смыслѣ была составлена 683 статья гражданскихъ законовъ, замѣненная впослѣдствіи I п закона 25 января 1878 года. Но оба поименованные закона были неудовлетворительны въ томъ отношеніи, что, *во-первыхъ*, ограничивали отвѣтственность случаями нанесенія смерти и поврежденій здоровья и, *во-вторыхъ*, называя самый случай нанесенія вреда «несчастіемъ», давали поводъ къ нѣсколько ограничительному толкованію закона.

Въ предлагаемой редакціи устраняются оба недостатка:

Вопервыхъ, гражданская отвѣтственность предпринимателя устанавливается по отношенію къ каждому пострадавшему какимъ бы то ни было образомъ. Вредъ, причиняемый при веденіи предпріятія, можетъ быть троякаго рода: 1) смерть, тѣлесныя поврежденія и вообще разстроиство въ здоровьѣ, 2) имущественный ущербъ и 3) всякій иной вредъ въ широкомъ смыслѣ, напримѣръ, потеря времени, безпокойство, невозможность попасть вовремя на мѣсто назначенія и т. д., и т. д. И наука и судебная практика почти повсемѣстно признали необходимость вознагражденія за всѣ три рода вреда безъ различія. Такъ, въ Англіи, во Франціи, Бельгіи и Америкѣ присуждается крупное вознагражденіе и въ пользу состоятельныхъ пассажировъ, которые не могли пострадать имущественно отъ несчастія, происшедшаго съ ними. Точно такъ же вознагражденіе дается за потерю времени отъ опозданія поѣздовъ и т. п. Въ русской судебной практикѣ подобныя взысканія еще только зарождаются и пока не вошли въ обычай. Но необходимо регламентировать законъ такимъ образомъ, чтобы онъ не помѣшалъ ихъ развитію.

Вовторыхъ, отвѣтственность владѣльца желѣзной дороги предъ потерпѣвшими лицами должна имѣть мѣсто не только въ случаѣ «несчастій», но вообще во всѣхъ случаяхъ неисправности. Что разумѣть подъ неисправностью, опредѣляется въ случаѣ спора судомъ непосредственно или черезъ посредство свѣдущихъ людей по общимъ правиламъ гражданскаго судопроизводства. Подъ понятіе «неисправности въ веденіи желѣзнодорожнаго предпріятія» подходятъ равно всѣ случаи,—какъ важные, такъ и неважные. Всякое отступленіе отъ обязанностей, возложенныхъ закономъ, уставами, инструкціями, договорами на владѣльцевъ дороги, ихъ агентовъ, низшихъ служителей и постороннихъ лицъ, къ помощи коихъ прибѣгаетъ дорога, или отступленіе ихъ отъ обязанностей, принятыхъ самими дорогами въ объявленіяхъ, правилахъ, тарифахъ, которые были объявлены какимъ бы то ни было способомъ,—всякое такое отступленіе составляетъ неисправность. Точно такъ же неисправность заключается во всякомъ отступленіи отъ правилъ желѣзнодорожной техники. Употребленіе гнилыхъ шпалъ, плохихъ рельсъ, непрочныхъ осей и т. п., нетрезвое или усталое состояніе машинистовъ, кондукторовъ и другихъ лицъ, равно какъ маневры локомотива безъ установленныхъ свистковъ, опозданіе въ движеніи поѣздовъ и выдачѣ грузовъ, вообще несоблю-

деніе какихъ бы то ни было сроковъ, неправильности въ храненіи грузовъ, неправильное нарушеніе очереди ихъ отправленія и т. д., и т. д., все это — неисправности въ веденіи желѣзнодорожнаго предпріятія.

Не должно думать, что споры объ опредѣленіи исправнаго или неисправнаго состоянія предпріятія излишне затруднятъ судъ или тяжущихся. По одной изъ нижеслѣдующихъ статей, всякій вредъ *предполагается* происшедшимъ по неисправности дороги. Поэтому означенные споры могутъ возникнуть только въ тѣхъ случаяхъ, когда управленіе желѣзной дороги будетъ оспаривать наличность неисправности.

Въ законѣ 25 января 1878 г. упомянутое предположеніе подразумѣвается отчасти уже текстомъ первой статьи. Именно, первая статья гласитъ общею формулою. «причиненныя при эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ», не упоминая о неисправномъ состояніи эксплоатаціи. Но представляется болѣе раціональнымъ раздѣлить совершенно по двумъ особымъ статьямъ положенія матеріальнаго и формальнаго права. Въ настоящемъ проектѣ первая статья содержитъ постановленіе матеріальнаго права. владѣльцы жел. дорогъ отвѣчаютъ за вредъ отъ неисправностей предпріятія. Другая статья, именно ст. 9, заключаетъ постановленіе формальнаго права: каждый убытокъ предполагается происшедшимъ отъ неисправности, пока противное не доказано заинтересованною въ томъ стороною.

Относительно редакціи 1-ой статьи надо замѣтить еще слѣдующее. Отъ редакціи 1-го пункта закона 25 января 1878 г. сдѣлано отступленіе въ томъ смыслѣ, чтобы отмѣтить существенную мысль статьи: непосредственную отвѣтственность владѣльца предпріятія за всѣхъ лицъ, участвующихъ въ его веденіи. Законъ 25 января перечисляетъ виды владѣльцевъ, указывая на казну, общества, частныхъ лицъ. Въ настоящее время это перечисленіе исчерпываетъ существующіе виды владѣльцевъ, но въ будущемъ могутъ возникнуть новыя формы, напр., земство. Потому въ настоящемъ проектѣ всякое такое перечисленіе оставлено.

Статья, возлагающая всю отвѣтственность желѣзной дороги предъ публикой на ея владѣльца, помѣщается во главѣ законопроекта на томъ основаніи, что, безспорно, она выражаетъ наиболѣе оригинальную черту желѣзнодорожнаго матеріальнаго права.

[1] При обсужденіи законопроекта въ обществѣ выраженіе «иной» оппоненты находили слишкомъ неопредѣленнымъ и слишкомъ рас-

ширяющимъ рамки судейскаго усмотрѣнія (Б. Н Чичеринъ). На это докладчикомъ было указано, что судейское усмотрѣніе въ широкихъ рамкахъ составляетъ существенную принадлежность гражданскаго правосудія По современному законодательству суду предоставлены полномочія, большія тѣхъ, которыхъ нынѣ опасаются. Такъ, напримѣръ, законъ предписываетъ суду признавать недѣйствительными безнравственные договоры и условія. Но что такое безнравственность? Этотъ вопросъ разрѣшаетъ судъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, ибо нельзя опредѣлить безнравственное напередъ законодательнымъ предписаніемъ. Суду предоставлена самая широкая область усмотрѣнія и иначе быть не можетъ. Другой примѣръ: неосторожность (culpa) опредѣляется обыкновенно какъ отсутствіе рачительности, свойственной разумному хозяину. Но что такое разумный хозяинъ? Опять здѣсь ближайшее опредѣленіе принадлежитъ суду. Такимъ же образомъ судъ будетъ опредѣлять и «неисправность» —Юридическая отвѣтственность за «иной», т-е неимущественный вредъ или такой, который не подлежитъ точной рыночной (денежной) оцѣнкѣ,—вполнѣ *возможна*, какъ доказывается судебною практикою древняго Рима и современной Франціи, Англіи, Америки и Бельгіи. Кромѣ того необыкновенная устойчивость такого порядка въ названныхъ странахъ показываетъ его совершенную *нормальность*. Въ Германіи лучшіе юристы-теоретики, каковы Руд ф.-Іерингъ, Виндшейдъ и Унгеръ высказались рѣшительно за гражданско-правовую защиту неимущественныхъ интересовъ. Раздѣленіе интересовъ на имущественные и неимущественные не имѣетъ ничего общаго съ раздѣленіемъ ихъ на матеріальные и нравственные. Многіе предметы нравственной, идеальной стоимости подлежатъ имущественной оцѣнкѣ: напр., услуги художника, ученаго, преподавателя и т. д. Стало быть и при дѣйствующемъ порядкѣ нравственные или идеальные интересы входятъ въ область гражданской защиты. Въ принципѣ вовсе не безнравственно оцѣнивать нравственныя блага на деньги, ибо иначе не было бы вовсе торговли трудомъ, обмѣна высшихъ услугъ на деньги. Несправедливо говорить, что задача гражданскаго суда состоитъ лишь въ возстановленіи нарушеннаго. Въ большинствѣ случаевъ судъ не въ состояніи возстановить, но лишь предлагаетъ потерпѣвшей сторонѣ нѣкоторый суррогатъ взамѣнъ утраченнаго. Также несправедливо исключать совершенно наказаніе изъ гражданскаго права. Оно существуетъ хотя бы въ видѣ неустойки. Судъ гражданскій, какъ и всякій судъ, долженъ имѣть

въ виду конечную цѣль правосудія и потому, открывая въ каждомъ данномъ случаѣ вопіющую несправедливость, судъ не можетъ оставить ее безъ противодѣйствія, какъ не можетъ онъ, напримѣръ, покровительствовать безнравственнымъ или неблаговиднымъ притязаніямъ, хотя бы совершенно законнымъ по формѣ. Въ интересахъ гражданскаго оборота допускается формализмъ и въ гражданскомъ правѣ, но въ извѣстныхъ, строго-ограниченныхъ предѣлахъ

Относительно слова «вредъ» докладчикъ сообщилъ, что изъ трехъ словъ: вредъ, убытокъ и ущербъ комиссія остановилась на словѣ «вредъ», какъ на наиболѣе широкомъ по своему смыслу.

Общество приняло статью 1 въ редакціи комиссіи.

Примѣчаніе 1-ое. Если во время слѣдованія по пути своего назначенія пассажиры и грузы проходятъ часть пути не по желѣзной дорогѣ, то вышеизложенная отвѣтственность за вредъ, который произойдетъ на этой части, отмѣняется только въ томъ случаѣ, когда устройство передвиженія въ ея предѣлахъ не лежало на обязанности владѣльцевъ желѣзной дороги.

Источникъ этой обязанности столь же разнообразенъ, какъ и источникъ обязанностей по веденію желѣзнодорожнаго предпріятія вообще. Нерѣдко обязанность въ такихъ случаяхъ не очевидна, но существуетъ, какъ результатъ другихъ фактовъ. Такъ, напримѣръ, московско-ярославская дорога принимаетъ пассажирскій багажъ до станціи ярославско-вологодской ж. д. и обратно. Разумно вывести отсюда, что обѣ дороги отвѣтственны передъ пассажирами за исправную перевозку багажа черезъ Волгу въ Ярославль, на участкѣ, на которомъ желѣзный путь прерывается.

Собственно говоря, передвиженіе внѣ предѣловъ желѣзной дороги, если забота о немъ возложена на хозяина этой послѣдней, входитъ въ составъ заботъ по веденію желѣзнодорожнаго предпріятія и, слѣдовательно, отвѣтственность за всякую неисправность въ такомъ передвиженіи падаетъ на владѣльца предпріятія, по тексту первой статьи. Но въ виду большихъ особенностей случаевъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, имъ посвящается особое примѣчаніе.

* При обсужденіи законопроекта въ обществѣ докладчикъ разъяснилъ, что примѣчаніе 1-е въ редакціи комиссіи нисколько не

устраняетъ отвѣтственности жел. дороги за вредъ, нанесенный посторонним лицамъ въ случаяхъ, подобныхъ вышеприведеннымъ. Слово же «обязанность» должно толковать въ наиболѣе широкомъ смыслѣ.

Общество приняло примѣчание 1-е въ редакции комиссии.

Примѣчаніе 2-е. Подъ наименованіемъ „грузъ" въ настоящемъ законѣ подразумѣваются одинаково товары большой и малой скорости, а равно пассажирскій багажъ.

* По предложенію М. Е. Богданова, статья принята обществомъ въ редакціи: «*Подъ наименованіемъ «грузъ» въ настоящемъ законѣ подразумѣваются всѣ предметы перевозки за исключеніемъ пассажировъ*»

Ст. 2. Въ случаяхъ причиненія вреда при движеніи груза прямымъ сообщеніемъ владѣльцы желѣзнодорожныхъ предпріятій несутъ взаимную другъ за друга отвѣтственность.

Одно изъ обстоятельствъ, которыя имѣютъ рѣшительное вліяніе на желѣзнодорожное право, состоитъ, какъ замѣчено выше, въ томъ, что публикѣ почти совершенно недоступны внутреннія распорядки желѣзныхъ дорогъ. Частное лицо, которое пострадало отъ неисправностей въ этихъ распорядкахъ, не въ состояніи раскрыть ни виновниковъ вреда, ни ближайшую причину его. Потому необходимо обставить защиту правъ публики такимъ образомъ, чтобы она была освобождена отъ необходимости производить подобныя разслѣдованія. Къ этому именно направлено начало непремѣнной и исключительной отвѣтственности владѣльца дороги, выраженное въ предшествующей статьѣ этого проекта. Но не только опредѣленіе ближайшихъ виновниковъ вреда можетъ представить затрудненія для лицъ, отыскивающихъ вознагражденіе. Во многихъ случаяхъ такой, повидимому, общій вопросъ: на какой именно дорогѣ причиненъ вредъ,—можетъ оказаться неразрѣшимымъ. Таковы именно случаи, о которыхъ говоритъ настоящая статья. Когда грузъ, чтобы достигнуть мѣста своего назначенія, долженъ пройти нѣсколько дорогъ, тогда заинтересованное лицо не можетъ опредѣлить точно, которая изъ дорогъ повинна въ нанесенномъ ему ущербѣ. Солидарная отвѣтственность дорогъ представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ исходомъ изъ этого затрудненія

По смыслу статьи, солидарная отвѣтственность возникаетъ съ момента принятія груза къ отправленію Это значитъ, что если, наприм., пропажа или остановка груза вслѣдствіе его поврежденій произошли прежде, чѣмъ онъ успѣлъ пройти весь свой путь, всѣ дороги, входящія въ составъ этого пути, все-таки отвѣчаютъ одинаково предъ заинтересованнымъ лицомъ. Владѣльцу груза, отправившему его изъ Харькова въ Петербургъ, не можетъ быть дѣла до того, что уже московско-курская дорога замѣтила его поврежденія и, пріостановивъ его дальнѣйшее движеніе, оставила его въ Орлѣ. Отправитель груза вступилъ въ Харьковѣ въ обязательственное отношеніе разомъ съ тремя дорогами и каждая изъ нихъ отвѣтственна передъ нимъ.

Формально-юридическое основаніе статьи 2 состоитъ въ томъ, что при прямомъ грузовомъ движеніи принимающая дорога контрагируетъ съ отправителемъ отъ лица всѣхъ дорогъ, по коимъ грузъ долженъ прослѣдовать, такъ что съ момента пріема груза къ отправленію всѣ эти дороги состоятъ съ отправителемъ въ обязательствѣ. Закону остается лишь сообщить такому обязательству солидарный характеръ.

Солидарная отвѣтственность примѣняется только къ грузовому движенію, т.-е къ перевозкѣ товара и багажа Фактъ нанесенія ущерба пассажирамъ обнаруживается обыкновенно въ самый моментъ своего совершенія, такъ что пострадавшее лицо всегда знаетъ, по винѣ какой именно дороги оно потерпѣло.

Но и въ примѣненіи къ пассажирскому движенію встрѣчается надобность въ нѣкоторомъ расширеніи круга судебныхъ мѣстъ, въ которыхъ пострадавшій пассажиръ можетъ вчинить свой искъ Проѣздомъ изъ Петербурга во Владикавказъ пассажиръ можетъ пострадать въ Орлѣ. Судиться въ Москвѣ, Тулѣ, Орлѣ или Курскѣ ему часто не съ руки, Владикавказъ или Петербургъ могутъ представиться ему наиболѣе подходящими для этой цѣли. Такого рода случаи предусмотрѣны четвертою статьею этого проекта, именно послѣднею частью ея.

[x] При обсужденіи законопроекта въ обществѣ докладчикъ настаивалъ на сохраненіи статьи 2-й въ редакціи комиссіи. Онъ полагалъ: 1) что «прямое сообщеніе» должно понимать въ широкомъ смыслѣ: прямымъ сообщеніемъ грузъ идетъ тогда, когда передается съ одной дороги на другую *безъ всякаго участія отправителя;* толкуемое подобнымъ образомъ «прямое сообщеніе» обнимаетъ всѣ случаи, гдѣ передача груза съ дороги на дорогу, дѣйствительно,

совершается безъ участія отправителя; 2) интересы отправителей требуютъ вообще солидарной отвѣтственности. Эта отвѣтственность, конечно, можетъ быть ограничена конечными дорогами, т.-е. дорогами пріема и назначенія, но для сего нужно бы представить особыя, спеціальныя основанія, каковыя въ данномъ случаѣ не имѣются. Въ виду имѣется лишь необходимость въ распространеніи круга отвѣтственности

Въ видахъ редакціоннаго усовершенствованія статьи докладчикъ соглашался выразить начало статьи слѣдующимъ образомъ: «*Въ случаяхъ причиненія вреда грузу прямого сообщенія*».

Общество приняло статью 2 въ редакціи комиссіи съ поправкою докладчика.

Ст. 3. Владѣльцы желѣзнодорожныхъ предпріятій, привлеченные къ отвѣтственности на основаніи двухъ предшествующихъ статей, имѣютъ право на возмѣщеніе присужденнаго съ нихъ вознагражденія со стороны лицъ, кои были дѣйствительными виновниками вреда, и со стороны владѣльцевъ дорогъ, за которыхъ они отвѣтили по началу взаимной отвѣтственности.

Эта статья не требуетъ большихъ поясненій. Въ законѣ 25 января 1879 года ей соотвѣтствуетъ пунктъ 8. Въ сравненіи съ этимъ послѣднимъ статья 3 настоящаго проекта пополнена въ той степени, какая необходима вслѣдствіе признанія солидарной отвѣтственности дорогъ по ст. 2. Понятно, что отысканіе дѣйствительнаго виновника вреда доступно лишь владѣльцу той дороги, на которой произошла самая неисправность, бывшая причиною вреда Потому въ случаяхъ, когда владѣлецъ одной дороги отвѣчаетъ за неисправности другихъ дорогъ, ему должна быть также предоставлена льгота, установленная въ пользу частныхъ лицъ по ст. 1: онъ обращается съ требованіемъ о возмѣщеніи понесеннаго взысканія къ владѣльцу неисправной дороги, но не къ ближайшимъ виновникамъ неисправности

* Общество приняло статью 3 въ редакціи комиссіи.

Ст. 4. Иски на основаніи предшествующихъ постановленій сего закона предъявляются въ подлежащемъ судѣ или по общимъ правиламъ устава гражд. судопр., или же въ одномъ изъ

судовъ, въ вѣдомствѣ котораго проходитъ желѣзная дорога владѣльца, привлекаемаго къ отвѣтственности. Въ случаяхъ вреда, причиненнаго при прямомъ пассажирскомъ сообщеніи, искъ можетъ быть предъявленъ также въ судахъ по мѣстонахожденію станціи отправленія и назначенія.

По ст 203 уст. гр. судопр., искъ предъявляется суду, въ округѣ коего отвѣтчикъ имѣетъ постоянное жительство. Эта статья приложима къ тѣмъ немногимъ случаямъ, когда желѣзная дорога принадлежитъ отдѣльному частному лицу. Большинство дорогъ, какъ извѣстно, составляютъ достояніе компаній и потому къ нимъ прилагается ст. 220, по которой иски противъ компаній, обществъ и товариществъ предъявляются суду, въ вѣдомствѣ коего состоитъ ихъ правленіе или фирма. Обыкновенно и владѣльцы и правленія отстоятъ далеко отъ самихъ дорогъ, такъ что обѣ статьи. 203 и 220 мало удовлетворяютъ интересамъ истцовъ. Нѣкоторымъ средствомъ къ исправленію этого зла служила до сего времени ст. 221 уст. гр. судопр. Въ силу ея, иски противъ компаній, обществъ или товариществъ, возникающіе изъ договоровъ, заключенныхъ съ мѣстными ихъ конторами или агентами, предъявляются или по мѣсту нахожденія сихъ конторъ или агентовъ, или же по мѣсту нахожденія правленія или фирмы Сдача багажа и товара къ отправленію, взятіе билета на проѣздъ составляютъ, по обычному мнѣнію, договоръ съ мѣстнымъ агентствомъ (станціею) дороги Вредъ, нанесенный отправителю и пассажиру, есть нарушеніе такого договора. Слѣдовательно, искъ о вознагражденіи за убытокъ. можетъ быть предъявленъ по мѣстонахожденію станціи пріема Этотъ выходъ и употребляется обыкновенно для облегченія лицъ, которыя поднимаютъ споры противъ желѣзной дороги. Но въ новомъ законѣ недостаточно остановиться на установившемся порядкѣ. Ссылаясь на постановленія устава гражд. судопр., проектъ подразумѣваетъ главнымъ образомъ ст. 203 и 220, которыя могутъ пригодиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Что же касается до большинства случаевъ, то ссылка на ст. 221 не вела бы къ цѣли. Во-первыхъ, ст. 221 говоритъ о компаніяхъ, обществахъ и товариществахъ и непримѣнима къ случаямъ, гдѣ владѣльцами дороги являются отдѣльныя частныя лица. Во-вторыхъ, ст 221 относится къ отвѣтственности изъ нарушенія *договоровъ* Но уже касательно такихъ актовъ, каковы сдача груза къ отправленію и взятіе билета

на проѣздъ, возникаетъ вопросъ,—имѣемъ-ли мы въ этомъ случаѣ дѣло съ чистыми гражданскими договорами въ ихъ настоящемъ видѣ. Втретьихъ, когда желѣзная дорога губитъ человѣка, поджигаетъ мимолежащія строенія и т. п., тогда въ подобныхъ случаяхъ ея отвѣтственность возникаетъ внѣ всякаго договорнаго отношенія. Вчетвертыхъ, самое означеніе подсудности мѣстонахожденіемъ станціи отправленія стѣснительно для истца, который можетъ значительно удалиться отъ нея. — Итакъ, ст. 221 уст. гр. судопр. оказывается во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительною. Не отмѣняя ея приложенія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она можетъ быть пригодною, настоящій проектъ вводитъ новое, болѣе широкое постановленіе, лучше соотвѣтствующее случайностямъ, которыя присущи затруднительному положенію лицъ, защищающихъ свои права противъ владѣльцевъ желѣзныхъ дорогъ.

О послѣдней части настоящей статьи см. выше, въ мотивахъ къ ст. 2 i. f. Могутъ сдѣлать замѣчаніе, что ст. 4 какъ бы обязываетъ каждую желѣзную дорогу имѣть своихъ повѣренныхъ почти при всѣхъ судахъ Россійской имперіи. Разумѣется, желѣзнодорожныя правленія сумѣютъ устроиться въ этомъ случаѣ. Но, какъ бы то ни было, цѣлесообразнѣе наложить эту новую тяжесть на желѣзныя дороги, нежели приковывать пострадавшихъ пассажировъ къ судамъ, въ мѣстностяхъ коихъ они были лишь проѣздомъ.

По замѣчаніямъ, выслушаннымъ при обсужденіи статьи 4 въ обществѣ, комиссія нашла:

1) Съ одной стороны, слѣдуетъ признать, что нѣтъ основаній для исключительной льготы по подсудности для пассажировъ прямого сообщенія. Льгота должна бы относиться ко всѣмъ пассажирамъ, проходящимъ на одномъ пути нѣсколько дорогъ. Но, съ другой стороны, нельзя изобрѣсти подходящую льготу безъ чрезмѣрнаго обремененія самихъ дорогъ. Потому вторая половина статьи 4 должна быть исключена.

Общество приняло заключеніе комиссіи.

2) Въ мотивы статьи 4 было бы полезно включить слѣдующее: «Въ справедливое обезпеченіе интересовъ желѣзныхъ дорогъ желательно, чтобы при предъявленіи иска на основаніи 4 статьи повѣстка о вызовѣ къ суду съ приложеніями къ ней была вручаема не первому попавшемуся агенту дороги, но правленію дороги въ мѣстѣ его нахожденія».

Общество приняло сообщеніе комиссіи къ свѣдѣнію.

Ст. 5. Казна привлекается къ отвѣтственности по сему закону въ порядкѣ сокращеннаго судопроизводства.

Это постановленіе не причинитъ особыхъ неудобствъ для казны. Владѣя желѣзными дорогами, казна устраиваетъ желѣзнодорожное управленіе столь же полно, какъ и частные владѣльцы. Между тѣмъ уравненіе казны съ прочими желѣзнодорожными владѣльцами въ отношеніи ея юридической отвѣтственности принесетъ большую пользу частнымъ лицамъ, освободивъ ихъ отъ всякихъ проволочекъ и усложненій въ дѣлѣ отысканія своего права

Пятая статья, по содержанію своему, — чисто процессуальная. Но она отнесена къ первой группѣ статей (ст. 1—5, см выше), потому что существенный смыслъ ея состоитъ въ томъ, что, согласно съ общимъ духомъ этого законопроекта, она лишаетъ казну одной изъ привилегій, которою, какъ извѣстно, казна пользуется по общему закону.

[1] Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.

Ст. 6. Право на вознагражденіе по сему закону принадлежитъ непосредственно потерпѣвшему лицу, каковымъ въ случаяхъ причиненія вреда грузу признается грузохозяинъ

Въ ст. 6—8, согласно съ планомъ, который указанъ выше, содержатся опредѣленія особенностей юридическаго положенія лицъ, отыскивающихъ вознагражденіе. Должно сдѣлать замѣчаніе о характерѣ этихъ особенностей. Постановленія статей 1—5, равно какъ и статей 9 и послѣд, дѣйствительно, составляютъ особенности *желѣзнодорожнаго права*. Въ той или другой степени онѣ могутъ быть распространены на юридическія отношенія прочихъ общественныхъ предпріятій, но все-таки онѣ сохраняютъ свой характеръ и являются нѣкоторымъ отступленіемъ отъ общихъ началъ гражданскаго права и судопроизводства Иное должно сказать о ст. 6—8. Если бы наше общее гражданское законодательство стояло на ступени, которая одна соотвѣтствуетъ потребностямъ современной гражданской жизни, то статьи 6—8 составляли бы принадлежность общаго права. Вопросъ — *кому* платить вознагражденіе отвѣтственный за причиненіе вреда, долженъ разрѣшаться одинаково для всѣхъ случаевъ. Событіе причиненія вреда именно желѣзнодорожнымъ предпріятіемъ не производитъ никакихъ особенностей въ этомъ отношеніи.

До изданія закона 25 января 1878 г вышеозначенный вопросъ разрѣшался опредѣленнымъ образомъ только для случаевъ отвѣтственности за вредъ, причиненный преступленіемъ. Именно, въ ст. 657 и слѣд. перечислены лица, которыя при различныхъ обстоятельствахъ могутъ требовать вознагражденіе отъ преступника. Законъ 25 января примѣнилъ подходящія изъ этихъ статей къ случаямъ желѣзнодорожныхъ несчастій (стт. 657, 658, 659, 660—662 и 675). Но извѣстны недостатки этихъ статей,—недостатки, попытку устраненія которыхъ предлагаетъ настоящій проектъ.

Ст. 6 указываетъ на непосредственно-потерпѣвшаго, какъ на первое и главное заинтересованное лицо. Вопросъ, кто долженъ считаться непосредственно-потерпѣвшимъ, не требуетъ разъясненій для случаевъ личныхъ несчастій. Напротивъ, въ случаяхъ грузового движенія этотъ вопросъ легко вызываетъ сомнѣнія. Потому законъ долженъ разрѣшить его въ какомъ-либо опредѣленномъ смыслѣ. Въ случаяхъ причиненія вреда отъ неисправностей грузового движенія непосредственно-пострадавшимъ признается грузохозяинъ. На вопросъ же, кто въ каждомъ данномъ положеніи груза есть его хозяинъ, должно искать отвѣта въ другомъ мѣстѣ. Онъ имѣетъ быть разрѣшенъ въ законѣ о юридическихъ отношеніяхъ по грузу Каковъ бы ни былъ этотъ отвѣтъ, — тотъ, кто признанъ за хозяина, имѣетъ по юридическому существу своего положенія преимущественное право на вознагражденіе

Кромѣ интересовъ хозяина, неисправность дороги по отношенію къ грузу можетъ нарушить также интересы другихъ лицъ, напримѣръ. если грузъ былъ заложенъ, — интересы залогопринимателя; если онъ былъ отданъ въ пользованіе, — интересы лица пользующагося и т. п Спрашивается, отвѣтственъ-ли желѣзнодорожный владѣлецъ и передъ этими лицами?

Утвердительный отвѣтъ на предложенный вопросъ могъ бы имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если бы мы имѣли дѣло съ преднамѣреннымъ (преступнымъ) поврежденіемъ, похищеніемъ и т. п чужого имущества. Въ такихъ случаяхъ справедливо обязывать нарушителя отвѣтственностью передъ всѣми лицами, которымъ принадлежатъ тѣ или другія права на имущество. Но отвѣтственность желѣзнодорожнаго предпринимателя вытекаетъ не изъ такого источника. Въ случаяхъ, о которыхъ мы говоримъ, т.-е. въ случаяхъ грузового движенія, ея источникъ—нарушеніе обязанностей по договору. Предприниматель привлекается къ отвѣтственности только предъ своимъ контрагентомъ (отправителемъ), либо

заступившимъ его мѣсто (получателемъ), или, говоря вообще, грузохозяиномъ.—Если же другія лица заинтересованы въ исправной доставкѣ груза, то отъ нихъ зависитъ выговорить въ свою пользу у грузохозяина соотвѣтствующія обезпеченія. Для желѣзнодорожныхъ владѣльцевъ безразлично, передъ кѣмъ нести отвѣтственность.

* Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.

Ст. 7. Въ случаяхъ причиненія кому-либо смерти, увѣчья и разстройства въ здоровьѣ, когда вслѣдствіе того лицо, непосредственно-пострадавшее, не получило удовлетворенія, право на вознагражденіе принадлежитъ лицамъ, существованіе коихъ зависѣло отъ жизни и труда потерпѣвшаго лица.

По стт. 657, 658, 659, 660, 661, на которыя сослался законъ 25 января, кромѣ непосредственно-пострадавшаго лица, вознагражденіе получаетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, его «семейство», подъ каковымъ законъ понимаетъ: родителей, жену и дѣтей пострадавшаго. Справедливо замѣчали, что этотъ кругъ очерченъ довольно тѣсно. *Во-первыхъ*, кромѣ названныхъ лицъ могутъ быть другія родственныя лица (дѣдъ и бабка, дяди и тетки, племянники и племянницы, внуки и т. д.), на которыхъ отозвался вредъ, нанесенный непосредственно-пострадавшему. *Во-вторыхъ*, не родственныя, но вообще близкія лица могутъ занимать такое же положеніе, какъ и родственныя, и заслуживать право на одинаковое къ нимъ вниманіе закона Ст. 7 приняла въ соображеніе оба эти обстоятельства.

Эти лица выступаютъ со своими требованіями только тогда, когда непосредственно-пострадавшее лицо не могло осуществить своихъ собственныхъ правъ. Если оно могло сдѣлать это, то въ удовлетвореніи интересовъ непосредственно-пострадавшаго содержится удовлетвореніе и прочихъ заинтересованныхъ лицъ.

По смыслу настоящей статьи, лица, въ ней названныя, получаютъ искъ только въ томъ случаѣ, когда непосредственно-пострадавшій не могъ получить окончательнаго удовлетворенія именно вслѣдствіе вреда, причиненнаго ему желѣзнодорожною неисправностью.

* Общество приняло статью 7 съ исключеніемъ словъ: «вслѣдствіе того» и съ замѣною словъ «отъ жизни и труда» словами: «отъ жизни *или* труда».

Ст 8. Принятіе груза безъ всякаго заявленія о причиненномъ вредѣ лишаетъ грузохозяина права на искъ по сему закону, за исключеніемъ того случая, когда истцомъ будетъ доказано, что вредъ. 1) не могъ быть обнаруженъ при пріемѣ груза и 2) произошелъ во время нахожденія груза на желѣзной дорогѣ.

* Общество приняло статью 8 въ редакціи комиссіи

Ст 9. Въ каждомъ случаѣ нанесенія кому-либо вреда при веденіи желѣзнодорожнаго предпріятія означенный вредъ предполагается происшедшимъ отъ неисправностей этого веденія Доказавъ противное, владѣльцы желѣзнодорожныхъ предпріятій освобождаются отъ отвѣтственности, возложенной на нихъ въ 1 ст этого закона

Сторона потерпѣвшая обязана доказать лишь наличность ущерба, ею понесеннаго; виновность же желѣзнодорожнаго предпріятія въ нанесеніи его предполагается. Это правило составляетъ прямое отступленіе отъ обычныхъ правилъ гражданскаго судопроизводства, основной принципъ коего гласитъ· истецъ долженъ доказать утвержденія, на которыхъ основаны его притязанія Отступленіе оправдывается двумя соображеніями. *Вопервыхъ*, частному лицу, пострадавшему отъ неисправности желѣзной дороги, весьма затруднительно собирать данныя для обнаруженія неисправнаго ея состоянія *Вовторыхъ*, опытъ учитъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ вредъ и убытки всякаго рода причиняются на желѣзныхъ дорогахъ именно ихъ неисправнымъ состояніемъ или неисправностями служащихъ и другихъ лицъ, участвующихъ въ веденіи предпріятія, — т. е , говоря вообще, неисправностями при веденіи желѣзнодорожнаго дѣла Это указаніе опыта вызываетъ необходимость въ соотвѣтствующемъ предположеніи Таково происхожденіе вообще всякихъ процессуальныхъ презумпцій, которыя назначаются для того, чтобы облегчить процессуальный трудъ спорящихъ сторонъ Если въ громадномъ числѣ случаевъ событіе, на которомъ строится притязаніе истца, оказывается существующимъ, то практично и вполнѣ справедливо измѣнить обычное распредѣленіе тяжести доказательствъ (onus probandi) такимъ способомъ, чтобы означенное событіе *предполагалось* существующимъ безъ всякаго

доказательства. При этомъ понятно, что означенному предположенію не должно приписывать абсолютнаго значенія. Заинтересованной сторонѣ предоставляется опровергать предположеніе. Другими словами это послѣднее должно быть praesumptio juris, но не praesumptio juris et de jure.

До закона 25 января 1878 г. изложенное предположеніе не было извѣстно нашему законодательству, по крайней мѣрѣ ни въ одномъ изъ его опредѣленій оно не было высказано съ полною очевидностью Въ законѣ 25 января 1878 г. оно формулировано въ п 2, въ связи съ п. 1 (ср. выше). Во 2-мъ пунктѣ закона читаемъ: Означенные въ пунктѣ 1-мъ владѣльцы предпріятій освобождаются отъ обязанности вознаграждать потерпѣвшихъ за причиненные имъ вредъ и убытки въ тѣхъ только случаяхъ, когда докажутъ, что несчастіе произошло: а) не по винѣ управленія предпріятія и его агентовъ, *или же* б) вслѣдствіе воздѣйствія непреодолимой силы» Ст. 9 настоящаго законопроекта отличается отъ выписаннаго постановленія болѣе общею и правильною формою выраженія Законъ 25 января 1878 года пускается въ ненужную казуистичность изложенія и, должно сказать, — казуистичность неудачную уже потому, что, въ сущности, п. *б* вполнѣ подразумѣвается въ п. *а*. Общее выраженіе· «доказавъ противное, владѣльцы желѣзнодорожныхъ предпріятій освобождаются отъ отвѣтственности» обнимаетъ собою всѣ основанія, которыя обыкновенно признаются достаточными для уничтоженія означеннои отвѣтственности. Такъ, желѣзная дорога «докажетъ противное», т.-е. докажетъ отсутствіе собственной своей неисправности, если обнаружитъ, что вредъ произошелъ отъ дѣйствія непреодолимой силы, или по винѣ грузохозяина, напр, отъ соблюденія такихъ условій перевозки, нагрузки, либо выгрузки, которыхъ потребовали отправитель или получатель. Далѣе п. 2 закона 25 января, какъ и вообще весь этотъ законъ, относится исключительно къ случаямъ нанесенія смерти и поврежденія въ здоровьѣ. Однако не существуетъ никакого раціональнаго основанія для подобнаго ограничительнаго примѣненія существеннѣйшаго предположенія желѣзнодорожнаго права. Въ всѣхъ случаяхъ нанесенія вреда при веденіи желѣзнодорожнаго дѣла практическое положеніе истца (потерпѣвшаго лица) и отвѣтчика (владѣльца желѣзной дороги) одинаково А потому одинаково должно быть и ихъ положеніе въ процессѣ.

* Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.

Ст. 10. Въ видѣ изъятія изъ общаго положенія, опредѣ-

леннаго въ ст 9, вредъ, причиненный кому-либо при веденіи желѣзнодорожнаго предпріятія, предполагается происшедшимъ не по винѣ означеннаго предпріятія въ случаяхъ,—когда имъ будетъ обнаружено

а) что убыль въ грузѣ могла произойти отъ естественныхъ свойствъ его при обыкновенныхъ условіяхъ перевозки;

б) что вредъ могъ произойти отъ ненадлежащаго наблюденія за нагрузкой и выгрузкой, если нагрузку и выгрузку принялъ на себя отправитель или получатель;

в) что вредъ, нанесенный перевозимому животному, могъ произойти отъ самой перевозки;

г) что вредъ могъ произойти отъ отсутствія провожатаго или недостаточнаго надзора съ его стороны, когда при грузѣ долженъ былъ быть провожатый;

д) что вредъ могъ произойти отъ перевозки груза въ открытыхъ вагонахъ, когда въ видахъ уменьшенія провозной платы, опредѣленной тарифомъ или соглашеніемъ, отправитель допустилъ такую перевозку.

Необходимо выяснить отношеніе этой статьи къ ст. 9.—Статья девятая устанавливаетъ общее предположеніе въ пользу пострадавшей стороны: вредъ предполагается происшедшимъ по неисправности желѣзнодорожнаго предпріятія. Чтобы устранить это предположеніе, владѣлецъ предпріятія, выяснивъ *дѣйствительную обстановку даннаго случая*, долженъ доказать, что вредъ произошелъ по винѣ самого истца. Предположимъ, что по желанію отправителя товаръ шелъ въ открытыхъ вагонахъ и оказался подмоченнымъ Чтобы осуществить требованіе статьи 9 (...«доказавъ противное»), отвѣтчикъ долженъ доказать, напр, что на пути грузъ былъ застигнутъ дождемъ, отчего и подмокъ. — Иначе ставитъ вопросъ статья 10. Въ случаяхъ, которые въ ней перечислены, отвѣтчику не нужно доказывать, что вредъ произошелъ именно по винѣ истца,—ему не надо выяснять дѣйствительную обстановку случая: *отвѣтчикъ долженъ лишь обнаружить, что при данныхъ условіяхъ перевозки грузъ могъ пострадать, напр, подмокнуть* и т. п. Иначе говоря, отъ отвѣтчика требуется не доказательство происшедшихъ событій, но лишь выставленіе предположенія

Эта льгота въ пользу желѣзной дороги требуется техническими условіями случаевъ, которые перечислены въ ст. 9 Въ швейцарскомъ законѣ 1875 г. (ст 32) такая льгота допускается только тогда, когда желѣзная дорога выговоритъ ее въ своемъ уставѣ (тарифѣ). Это сдѣлано, очевидно, въ томъ соображеніи, что желѣзная дорога, желающая воспользоваться льготой, обязана предварительно заявить о томъ. Однако швейцарскій порядокъ представляется обоюдоострымъ Когда желѣзнодорожное предпріятіе не выговоритъ себѣ ни одной льготы, тогда легко можетъ случиться, что судъ предоставитъ ему гораздо болѣе льготъ, чѣмъ предусматриваетъ законъ. Справедливость, несомнѣнно, потребуетъ иногда предположенія въ пользу дороги и при молчаніи устава. И если законъ не опредѣлитъ точно области примѣненія такого предположенія, то практика можетъ расширить его во вредъ интересамъ публики

Подъ пунктъ *а* настоящей статьи подходитъ между прочимъ тотъ случай, когда отъ перевозки товаръ терпитъ убыль въ вѣсѣ. Обыкновенно считаютъ за нужное оговаривать, что нормальный размѣръ такой убыли или провѣса высчитывается на каждое отдѣльное мѣсто. Такъ, напримѣръ, если онъ равняется 0,01 и если отправлено было 100 мѣстъ въ 100 фунтовъ каждое (всего 10,000 ф.), то дорога не будетъ отвѣчать лишь въ томъ случаѣ, если *въ каждомъ* изъ мѣстъ недостанетъ не болѣе одного фунта. Если же общая убыль не превышаетъ 1/100 всего количества вѣса, т.-е. не болѣе 100 ф, но распредѣляется между отдѣльными мѣстами неравномѣрно (крайній примѣръ: 99 мѣстъ оказываются съ полнымъ вѣсомъ, а одно утрачено вовсе), то отвѣтственность наступаетъ относительно всѣхъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ убыль превышаетъ 1 ф. Но все это выпекаетъ само собою изъ понятія объ «убыли, происшедшей отъ *естественныхъ* свойствъ груза», а потому составители настоящаго проекта не признали нужнымъ включить въ него вышеуказанную оговорку

* Общество приняло ст. 10 съ поправками: къ п. *а* вмѣсто «убыль»—«убыль и порча» и къ п. *в* —«перевозки вообще».

Ст. 11. Исправность желѣзнодорожнаго предпріятія предполагается также и въ томъ случаѣ, если будетъ обнаружена полная цѣлость затворовъ и упаковки при наличности должнаго количества мѣстъ и вѣса.

* Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.

Ст. 12. Предположеніе, допущенное въ ст. 10 и 11, теряетъ свою силу· 1) когда заинтересованная сторона докажетъ его непримѣнимость къ данному случаю, или 2) когда будетъ обнаружено, что вредъ могъ произойти въ равной степени отъ просрочки въ доставкѣ груза.

Надо различать требованія, изложенныя въ пп 1 и 2. П. 1-й предполагаетъ, что заинтересованная сторона раскроетъ *дѣйствительную обстановку* даннаго случая и такимъ образомъ обнаружитъ, что въ этомъ случаѣ не оправдывается предположеніе статей 10 и 11. Напротивъ п. 2, для своего осуществленія, требуетъ только, чтобы заинтересованная сторона, не уничтожая предположенія статей 10 и 11, рядомъ съ нимъ выставила *другое предположеніе*, не менѣе вѣроятное. Изъ двухъ предположеній, изъ которыхъ одно говоритъ въ пользу желѣзной дороги (ст 10 и 11), а другое—въ пользу пострадавшаго лица (ст. 12, п 2), для суда обязательно остановиться на второмъ.

* Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.

Ст. 13. Отвѣтственность за вредъ, который произошелъ въ грузѣ отъ недостатковъ его упаковки (когда грузъ принадлежалъ къ разряду подлежавшихъ отправленію къ упаковкѣ), слагается съ владѣльца желѣзной дороги, если онъ докажетъ: 1) что помянутые недостатки не могли быть замѣчены при пріемѣ груза, или 2) что они были замѣчены при его пріемѣ и оговорены, какъ въ накладной, такъ и въ ея копіи съ точнымъ обозначеніемъ самыхъ недостатковъ и немедленнымъ объявленіемъ о томъ отправителю до подписанія имъ накладной.

* Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.

Ст. 14. Всякое разнорѣчіе, которое будетъ обнаружено между дѣйствительнымъ (по числу мѣстъ или вѣсу) количествомъ груза и показаніями накладной или ея копіи о томъ же предметѣ, или же между показаніями этихъ документовъ, толкуется въ пользу стороны, отыскивающей вознагражденіе.

* Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.

Ст. 15. Судъ опредѣляетъ размѣръ вознагражденія по вну-

треннему убѣжденію, сообразуясь съ обстоятельствами дѣла и вѣроятностью вреда, понесеннаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ

Эта статья имѣетъ своею цѣлью отклонить наши суды отъ того пути, которому они слѣдуютъ при опредѣленіи гражданскаго вознагражденія за вредъ, и указать имъ болѣе правильное направленіе.

Современная теорія гражданскаго права, а равно и практика гражданскихъ судовъ большей части образованнаго міра (точно такъ же, какъ и практика римскихъ юристовъ классической эпохи), указываетъ слѣдующія начала, которыми должно руководиться при опредѣленіи размѣровъ вознагражденія.

1 Если доказана наличность вредоноснаго событія, то о присутствіи вреда, о его точныхъ размѣрахъ и о количествѣ справедливаго вознагражденія судья заключаетъ по большей или меньшей вѣроятности, выведенной изъ обстоятельствъ дѣла. Событія этого рода только въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть предметомъ полнаго доказательства Потому требованіе такого доказательства равносильно поставленію заинтересованной стороны въ невозможность достигнуть удовлетворенія своихъ притязаній Между тѣмъ право должно стремиться къ тому, чтобы каждый вредъ, несправедливо причиненный, былъ, по возможности, вознаграждаемъ Если этой цѣли нельзя достигнуть обыкновеннымъ путемъ, посредствомъ строгаго осуществленія процессуальнаго правила «истецъ долженъ доказать свой искъ», то необходимо отступить отъ него. Многія событія не доказываются, но только предполагаются по вѣроятности Сюда относится, напримѣръ, ошибка при совершеніи сдѣлки. Кто ссылается на ошибку, тотъ долженъ не доказать ея присутствіе въ данномъ дѣйствительномъ случаѣ, но только обнаружить достаточную вѣроятность ея при данныхъ обстоятельствахъ: онъ долженъ убѣдить судью, что, предполагая присутствіе въ договаривающейся сторонѣ обыкновенной житейской мудрости, нельзя объяснить совершеніе сдѣлки иначе, какъ ошибкою Такимъ же образомъ надлежитъ поступать и въ спорахъ о вознагражденіи за вредъ. Сообразивъ всѣ обстоятельства дѣла, насколько они обнаружились на судѣ, и опираясь на свою житейскую опытность или на заключенія свѣдущихъ людей, судья опредѣляетъ, какой вредъ *могло*, по всей вѣроятности, причинить въ данномъ случаѣ извѣстное событіе. Ошибка, которая клонится къ уменьшенію вознагражденія противъ дѣйствительнаго ущерба, нарушаетъ интересы правосудія гораздо въ большей степени, нежели ошибка противоположнаго

свойства. Если судья присудитъ неполное вознагражденіе, то онъ оставитъ причиненный вредъ безъ всякаго возмѣщенія. Если же онъ преувеличитъ цифру понесеннаго вреда, то во взысканномъ излишкѣ сторона платящая должна признать извѣстный гражданскій штрафъ, который она несетъ за свою неисправность. Въ отношеніи желѣзнодорожныхъ предпріятій такой штрафъ справедливъ тѣмъ болѣе, что они остаются мало чувствительны къ уголовному преслѣдованію ихъ служащихъ и слабо уступаютъ давленію правительственнаго надзора. Этимъ объясняются громадныя цифры гражданскихъ взысканій на Западѣ, о которыхъ мы постоянно слышимъ, какъ скоро тамъ заходитъ рѣчь о присужденіи съ желѣзныхъ дорогъ вознагражденія за вредъ, ими причиненный.

2. Оцѣнка вреда должна происходить не по объективной (рыночной) цѣнѣ потери, но по значенію ея для пострадавшаго лица въ каждомъ данномъ случаѣ. Такъ, напримѣръ, если купецъ, продавъ свой товаръ, подъ страхомъ неустойки обязался поставить его къ извѣстному сроку и между тѣмъ, по винѣ желѣзной дороги, не могъ сдѣлать это, то въ составъ вознагражденія, которое присуждается съ владѣльца дороги, должна войти и сказанная неустойка. Если мимопроходившій локомотивъ поджегъ молотильный сарай, который и сгорѣлъ со всѣми машинами, то, буде этотъ пожаръ случился во время уборки хлѣба, такъ что произошла пріостановка въ работѣ, судья, опредѣляя размѣръ вознагражденія, долженъ принять во вниманіе и это послѣднее обстоятельство. Кто, просрочивъ по винѣ дороги, потерялъ какое-либо право, тотъ можетъ требовать вознагражденія и за него и т. д.

3. Не должно принимать во вниманіе одинъ имущественный вредъ. Неимущественный вредъ подлежитъ удовлетворенію гражданскимъ путемъ точно такъ же, какъ и вредъ имущественный.

4. Слѣдуетъ также отбросить всякое различіе убытка, въ смыслѣ убыли наличнаго имущества и вреда, и въ болѣе широкомъ смыслѣ, — въ смыслѣ лишенія выгоды ожидаемой. Это различіе составляетъ произведеніе книжнаго правовѣдѣнія и не оправдывается интересами гражданской жизни.

Проведеніе въ жизнь всѣхъ этихъ началъ въ концѣ концовъ— дѣло судебной практики. Законодатель долженъ однако поощрить эту послѣднюю и во всякомъ случаѣ не ставить ей никакихъ преградъ. На основаніи этихъ соображеній и изложена ст. 15.

* Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.

Ст. 16. При опредѣленіи вознагражденія за грузъ, принятый владѣльцемъ желѣзнодорожнаго предпріятія на страхъ, судъ сообразуется съ размѣромъ застрахованной стоимости, и при полной пропажѣ груза вознагражденіе не должно быть ниже этой стоимости.

* Общество отвергло статью.

Ст. 17. Лицо, получившее вознагражденіе за пропавшій грузъ, можетъ оставить за собою право на его возвращеніе въ случаѣ, если онъ будетъ отысканъ, подъ условіемъ возвращенія вознагражденія Отысканный грузъ выдается, по усмотрѣнію его хозяина, въ мѣстѣ отправленія или назначенія и долженъ быть принятъ имъ не позже, какъ черезъ 30 дней по полученіи увѣдомленія объ отысканіи груза.

* Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.

Ст. 18. Вознагражденіе за нанесеніе смерти и вреда здоровью назначается сообразно съ желаніемъ истца въ видѣ платежей единовременныхъ или срочныхъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

Эта статья соотвѣтствуетъ пункту 5 закона 25 января 1878 г. Измѣненіе сдѣлано лишь въ томъ отношеніи, что допущено соединеніе единовременныхъ и срочныхъ платежей, — соединеніе, которое нерѣдко соотвѣтствуетъ наиболѣе интересамъ какъ пострадавшаго лица, такъ и отвѣтственнаго предпріятія.

[1] Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.

Ст. 19. Въ случаяхъ новыхъ обстоятельствъ, обнаружившихся впослѣдствіи, размѣръ срочнаго пособія можетъ быть увеличиваемъ или уменьшаемъ рѣшеніемъ суда, вслѣдствіе просьбы стороны, получающей или уплачивающей вознагражденіе.

Эта статья соотвѣтствуетъ вполнѣ пункту 6 закона 1878 г.

* Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.

Ст. 20. Если по предмету иска не послѣдовало признанія

его со стороны желѣзной дороги, или миролюбиваго соглашенія, или же судебнаго рѣшенія, то для вчинанія исковъ по сему закону полагается годовой срокъ въ случаяхъ утраты или порчи груза, а въ остальныхъ случаяхъ — срокъ двухгодовой. Вышеозначенный срокъ исчисляется. для исковъ о вознагражденіи за вредъ по грузовому движенію—со дня обнаруженія неисправности, а для всѣхъ прочихъ исковъ—со дня совершенія событія, причинившаго вредъ

Годовой срокъ принятъ уже закономъ 25 января 1878 г. для случаевъ, предусмотрѣнныхъ этимъ закономъ, и въ настоящемъ проектѣ распространяется на всѣ случаи, имъ разрѣшаемые. Вопросъ о начальномъ моментѣ давностнаго срока представляетъ нѣкоторыя затрудненія въ примѣненіи къ грузовому движенію. Относительно принадлежащихъ сюда случаевъ нельзя постановить, какъ относительно другихъ случаевъ, что исчисленіе давности начинается со дня совершенія событія, причинившаго вредъ, потому что событіе причиненія вреда грузу становится извѣстнымъ грузовладѣльцу спустя нѣкоторое (иногда довольно продолжительное) время послѣ своего совершенія. Поэтому ст 19 опредѣляетъ, что для исковъ о вознагражденіи за вредъ по грузовому движенію давность исчисляется со дня обнаруженія неисправности желѣзнодорожнаго предпріятія. Если неисправность выразилась въ порчѣ или частичной утратѣ груза, то она обнаруживается при выдачѣ груза; если же неисправность состоитъ въ полной утратѣ груза, то она обнаруживается съ истеченіемъ срока доставки груза. Законъ долженъ опредѣлить особо, по истеченіи какого срока недоставленный грузъ почитается утраченнымъ.

Законъ 25 января 1878 года ввелъ годовую давность. Сокращенная давность необходима въ дѣлахъ желѣзнодорожныхъ, ибо доказательства иска не могутъ сохраняться продолжительное время. Но, съ другой стороны, годовая давность слишкомъ мала въ виду обширности нашей государственной территоріи. Рабочій, служащій или пассажиръ можетъ пострадать на желѣзной дорогѣ зачастую далеко отъ мѣста своей родины, такъ что родственныя лица, имѣющія право на вознагражденіе, не успѣютъ въ годъ осуществить свое право на вознагражденіе. Потому въ настоящемъ проектѣ для случаевъ, наиболѣе важныхъ, установлена давность двухгодовая.

Ст. 21 Теченіе давности, означенной въ предшествующей статьѣ, прерывается, сверхъ общихъ основаній, также подачею пострадавшимъ лицомъ письменнаго заявленія о вознагражденіи въ управленіе одной изъ дорогъ, отвѣтственныхъ по сему закону. Если дорога отклонитъ такое заявленіе, возвративъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ документы, поданные заявившимъ въ подтвержденіе своего требованія, то со дня выдачи этихъ документовъ теченіе годовой или двухгодовой давности начинается вновь и можетъ быть прервано лишь по общимъ основаніямъ.

* Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.

Ст. 22. Договоры, которые клонятся къ ослабленію или устраненію будущей отвѣтственности владѣльцевъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, опредѣленной этимъ закономъ, признаются недѣйствительными

Эта статья содержитъ постановленіе, которое содержится уже въ законѣ 25 января 1878 г. и которое обусловлено коренными особенностями отношеній желѣзнодорожныхъ предпріятій къ частнымъ лицамъ. Всѣ опредѣленія закона, которыя установлены именно въ предположеніи существующаго равенства сторонъ и которыя ведутъ къ справедливымъ послѣдствіямъ лишь подъ условіемъ этого равенства, должны быть измѣнены соотвѣтственнымъ образомъ въ желѣзнодорожномъ законодательствѣ. Это соображеніе лежитъ вообще въ основаніи всего настоящаго законопроекта и на немъ основываются въ извѣстной степени его важнѣйшія постановленія (1 и 9 ст.). Но главное свое выраженіе оно находитъ въ ст. 22. Если бы можно было поручиться въ томъ, что пассажиръ и товароотправитель, соглашаясь на ослабленіе желѣзнодорожной отвѣтственности, поступаютъ такъ совершенно добровольно, внѣ принудительнаго вліянія служащихъ самой дороги, то правило, изложенное въ ст. 22, не имѣло бы смысла. Однако на самомъ дѣлѣ согласіе на ослабленіе желѣзнодорожной отвѣтственности со стороны пассажира и товароотправителя почти всегда вызывается принудительнымъ образомъ со стороны самой дороги. Если эта послѣдняя предложитъ свои услуги не иначе, какъ подъ условіемъ своей безотвѣтственности, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ пассажиръ и товароотправитель предпочтутъ все-таки воспользоваться услугами

дороги, хотя рискуютъ остаться безъ всякаго вознагражденія въ случаѣ нанесенія вреда Такимъ образомъ дороги могли бы безнаказанно сложить съ себя всякую отвѣтственность.

Статья 22 относится къ тѣмъ договорамъ, которые могутъ совершаться до нанесенія вреда и смыслъ которыхъ заключается въ отказѣ отъ общаго права, предоставляемаго частнымъ лицамъ настоящимъ закономъ на случай, если они пострадаютъ по неисправности желѣзной дороги Когда же вредъ уже нанесенъ, тогда пострадавшее лицо пріобрѣтаетъ извѣстное дѣйствительное право требованія и оно вольно располагать этимъ правомъ, какъ ему угодно.

" Общество приняло статью въ редакціи комиссіи

Предшествующія 22 статьи излагаютъ постановленія, которыя относятся, съ тѣми или другими видоизмѣненіями, ко всѣмъ случаямъ желѣзнодорожной неисправности. Нижеслѣдующія статьи посвящаются исключительно случаямъ особенно важнымъ, которые носятъ названіе желѣзнодорожныхъ «*происшествій*»

Особенность «происшествій» состоитъ въ томъ, что они поражаютъ потерпѣвшихъ лицъ при условіяхъ, наименѣе благопріятныхъ для засвидѣтельствованія вреда и вчинанія иска.

Сюда относятся прежде всего всѣ случаи желѣзнодорожныхъ «несчастій» съ пассажирами, служащими, рабочими, постороннимп лицами. Сюда относятся далѣе случаи внезапной утраты или поврежденія грузовъ отъ крушенія поѣздовъ, пожаровъ, обнаруженнаго похищенія и т. д.

Необходимость нижеслѣдующихъ статей вытекаетъ изъ того обстоятельства, что существующій порядокъ гражданскаго судопроизводства, въ примѣненіи его къ случаямъ желѣзнодорожныхъ «происшествій», не представляется удовлетворительнымъ. Именно, дѣйствующее гражданское судопроизводство не обезпечиваетъ того, чтобы всѣ пострадавшія лица, съ легкостью, равною той, которая имѣетъ мѣсто въ обыкновенныхъ дѣлахъ, достигали своего удовлетворенія.

Семьѣ убитаго по желѣзнодорожной неисправности, раненому пассажиру или желѣзнодорожному служащему, а равно хозяину груза, погибшаго при крушеніи поѣзда, пожарѣ станціи и т п., уже по самому свойству событія и особенностямъ ихъ положенія, трудно быстрое вчинаніе иска и веденіе дѣла. Кромѣ того большинство пострадавшихъ составляетъ темный людъ, который не владѣетъ средствами, знаніями и предпріимчивостью, необходи-

мыми для настоичиваго веденія гражданскаго процесса. Если присоединить къ этому еще другія обстоятельства, каковы: отдаленность судебныхъ центровъ, обычное невниманіе желѣзнодорожнаго начальства, то станетъ вполнѣ понятно, какимъ образомъ гаснутъ многочисленныя справедливыя притязанія частныхъ лицъ къ желѣзнымъ дорогамъ. Помимо частнаго интереса лицъ пострадавшихъ, этимъ затрогивается также интересъ общественный, связанный съ желѣзнодорожнымъ предпріятіемъ Желѣзныя дороги несутъ общественную службу, удовлетворяютъ общественныя потребности. Необходимо, чтобы какое-либо постороннее учрежденіе пришло публикѣ на помощь и облегчило бы пострадавшимъ лицамъ полученіе вознагражденія.

Въ силу начала самодѣятельности тяжущихся въ гражданскомъ процессѣ, такимъ учрежденіемъ не долженъ быть судъ.

Такимъ учрежденіемъ не должна быть также административная власть, потому что неразумно было бы вмѣшивать администрацію въ движеніе дѣлъ судебныхъ

Но представляется удобнымъ остановиться на присяжной адвокатурѣ, какъ на учрежденіи, которое призывается облегчить публикѣ веденіе процессовъ съ желѣзными дорогами. Принявъ на себя эту новую общественную повинность, адвокатура сослужитъ обществу добрую службу.

Ст 23. О всякомъ происшествіи при веденіи желѣзнодорожнаго предпріятія, хотя не заключающемъ въ себѣ признаковъ преступленія или проступка, но имѣвшемъ своимъ послѣдствіемъ смерть, увѣчье и поврежденіе здоровья, утрату или поврежденіе имущества, ввѣреннаго желѣзной дорогѣ, полиція немедленно производитъ изслѣдованіе въ порядкѣ, установленномъ ст. 250—261 уст. уг суд, и составляетъ о семъ протоколъ. Въ этотъ протоколъ, кромѣ свѣдѣній, указанныхъ въ общихъ законахъ, вносятся нижеслѣдующія.

1. Имя, отчество, фамилія и званіе потерпѣвшаго.
2. Его имущественное и общественное положеніе.
3. Степень вреда, причиненнаго ему происшествіемъ.
4. Размѣръ вознагражденія, которое онъ желаетъ получить.

5 Основанія и способы, которыми подтверждается справедливость его требованій

При невозможности изложить всѣ требуемыя свѣдѣнія въ протоколѣ изслѣдованія объясняются подробно причины таковой невозможности.

Примѣчаніе. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда судебный слѣдователь приступаетъ къ изслѣдованію непосредственно, означенный протоколъ составляется судебнымъ слѣдователемъ.

Нововведеніе этой статьи сравнительно съ дѣйствующимъ законодательствомъ выражается въ словахъ: «хотя не заключающемъ въ себѣ признаковъ преступленія или проступка». Подъ словомъ «полиція» разумѣются всѣ полицейскіе чины, уполномоченные на производство дознанія. Правомѣрность ихъ дѣйствій обезпечивается контролемъ, который установленъ въ ст. 483—490 уст. уг суд.

* Общество приняло статью со включеніемъ въ пунктъ 4-й слова «приблизительныи», т-е «приблизительныи размѣръ вознагражденія» и т. д.

Ст. 24 Немедленно по окончаніи изслѣдованія протоколъ, составленный на основаніи предыдущей статьи, препровождается въ копіи полицией или судебнымъ слѣдователемъ по принадлежности для напечатанія въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Копіи съ протокола препровождаются также въ подлежащія полицейскія управленія для объявленія ихъ на родинѣ потерпѣвшихъ лицъ.

Оглашеніе протокола путемъ печати имѣетъ огромную важность. Вопервыхъ, такимъ способомъ будетъ создана оффиціальная статистика желѣзнодорожныхъ несчастій, которая раскроетъ предъ публикой эту до сихъ поръ темную сторону желѣзнодорожной жизни, вовторыхъ, полицейскихъ и судебныхъ чиновъ, производящихъ изслѣдованіе, оглашеніе ихъ протоколовъ заставитъ относиться къ дѣлу серьезно; втретьихъ, заинтересованныя лица, напримѣръ, родственники убитаго найдутъ въ оглашенномъ протоколѣ новое, а иногда и единственное средство узнать о судьбѣ пострадавшаго отъ происшествія.

* Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.

Ст. 25. При направленіи дѣла уголовнымъ порядкомъ су-

дебный слѣдователь, одновременно съ приступомъ къ слѣдствію, опрашиваетъ потерпѣвшія лица, не желаютъ ли они имѣть при производствѣ предварительнаго слѣдствія и дальнѣйшемъ ходѣ дѣла повѣреннаго съ правами гражданскаго истца. Въ случаѣ заявленія потерпѣвшаго о желаніи имѣть такового повѣреннаго по назначенію отъ суда, судебный слѣдователь немедленно сообщаетъ о семъ предсѣдателю окружнаго суда для назначенія повѣреннаго согласно съ 566 ст. уст. уг. суд., при чемъ повѣренный назначается изъ присяжныхъ повѣренныхъ, ихъ помощниковъ и кандидатовъ на судебныя должности.

Присутствіе адвоката при предварительномъ слѣдствіи, въ качествѣ ли защитника подсудимаго, или въ качествѣ повѣреннаго гражданскаго истца, вполнѣ согласуется съ началами состязательнаго процесса Это было признано составителями судебныхъ уставовъ и оставлено безъ примѣненія только по особымъ причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ руководящими началами судебной реформы Настоящій законопроектъ дѣлаетъ первую попытку ввести адвокатуру въ камеру слѣдователя. Указывая на помощниковъ прис. повѣренныхъ и кандидатовъ на судебныя должности, какъ на возможныхъ повѣренныхъ, законопроектъ отступаетъ, въ интересахъ дѣла, отъ фискальныхъ соображеній, руководившихъ законодателемъ при изданіи правилъ 25 мая 1874 года

* Общество приняло статью въ редакціи комиссіи

Ст. 26. Назначеніе повѣреннаго, сдѣланное согласно съ предыдущею статьею, признается актомъ законнаго уполномочія его на производство всѣхъ судебныхъ дѣйствій отъ лица потерпѣвшаго.

* Общество приняло статью съ присовокупленіемъ словъ: «кромѣ права на окончаніе дѣла миромъ».

Ст. 27. Если, по какимъ-либо основаніямъ, гражданскій искъ будетъ оставленъ уголовнымъ судомъ безъ разсмотрѣнія, то повѣренный, назначенный на основаніи ст. 25 сего закона, считается законно-уполномоченнымъ на предъявленіе иска о вознагражденіи въ порядкѣ устава гражд. судопр., при чемъ

ему предоставляются всѣ права, исчисленныя въ 250 ст. уст. гражд. суд., кромѣ права на окончаніе дѣла миромъ.

Безъ правъ, исчисленныхъ въ 250 ст. уст. гр. суд., за исключеніемъ права на окончаніе дѣла миромъ, невозможно полное проведеніе дѣла; право же на окончаніе дѣла миромъ составляетъ, такъ сказать, нѣкоторую роскошь.

* Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.

Ст. 28. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда изслѣдованіе о происшествіи, упомянутое въ ст. 23, не получило направленія въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, копія съ протокола изслѣдованія препровождается полиціей въ мѣстный окружный судъ, предсѣдатель котораго назначаетъ потерпѣвшему лицу повѣреннаго (ст. 25) для веденія дѣла о вознагражденіи въ гражданскомъ судѣ въ порядкѣ, установленномъ для сихъ дѣлъ.

* Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.

Ст. 29. Лица, отыскивающія вознагражденіе чрезъ повѣренныхъ, назначенныхъ на основаніи ст. 25—28 сего закона, изъемлятся отъ взноса судебныхъ издержекъ.

Ст. 30. Въ вознагражденіе повѣренныхъ, назначенныхъ на основаніи статей 25—28, поступаютъ судебныя издержки, присужденныя съ противной стороны за веденіе дѣла. Это вознагражденіе опредѣляется по таксѣ вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ также въ случаяхъ, когда взысканіе шло и окончилось въ судѣ уголовномъ.

Такимъ образомъ повѣренный получаетъ вознагражденіе только въ случаѣ выигрыша. Въ [illegible] выражается характеръ его обязанности, какъ общественной повинности.

* Общество приняло статью въ редакціи комиссіи.